

АМИНЕВА Венера Рудалевна

**ТИПЫ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЛИТЕРАТУРАМИ**

**(на материале произведений русских писателей второй
половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.)**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена на кафедре сопоставительной филологии и межкультур-
ной коммуникации федерального государственного автономного образова-
тельного учреждения высшего профессионального образования «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Загидуллина Дания Фатиховна
(г. Казань)

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Рамеев Зуфар Зайниевич
(г. Казань)

доктор филологических наук, профессор
Клинг Олег Алексеевич
(г. Москва)

доктор филологических наук, профессор
Шутая Наталья Константиновна
(г. Москва)

Ведущая организация: Институт мировой литературы
им. А.М.Горького Российской
Академии наук (г. Москва)

Защита состоится 14 октября 2010 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 в ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан « » сентября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д-р филол. наук, проф.

А.Ш.Юсупова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одной из задач литературоведения является исследование межлитературного процесса, содержание, структура и формы которого отражают глубинные тенденции и закономерности как мирового, так и национального художественно-эстетического развития. Поиск универсалий, конституирующих единство разных национальных литератур, и выявление их уникальности и самобытности – две противоположные процедуры, которые совмещаются в рамках компаративистской методологии.

Сравнительное изучение национальных литератур может быть ориентировано на поиски общего в единичном, создание типологий и классификаций. Д.Дюришин различает «генетически-контактные связи» и «системно-типологические схождения», на основе которых складываются исторически обусловленные «межлитературные общности», имеющие свою, обусловленную разными причинами динамику и образующие в совокупности «мировую литературу»¹. Другой путь сравнительного анализа опирается главным образом на идею уникальности национальных художественно-эстетических систем и стремится к постижению их идентичности. Г.А.Тиме утверждает: «... будущее принадлежит, по всей видимости, именно выявлению национальных “моделей мышления”, включающих и внелитературные аспекты, а также изучению их взаимодействия и взаимопроникновения»². Значение этой методологической установки в полной мере раскрывается в новейшее время – время перехода от монологических форм духовной жизни к плюралистическим.

Познать сущность какого-либо литературного явления невозможно без проведения аналогий, сопоставления его с другими, ему подобными или отличными от него, поэтому элементы сравнительного анализа – фоновые, имманентные либо базовые – присутствуют в каждом литературоведческом исследовании. Наряду с проникновением сравнительного подхода во все области литературоведения, расширением проблемно-тематического поля компаративистики наблюдается другая тенденция: сравнительное литературоведение смыкается с философской и психологической антропологией, этнографией, социальной психологией, историей, активно использует методы герменевтики, рецептивной эстетики, семиотики, структурализма. Функции компаративистики и ее статус в современном литературоведении позволяют поставить на качественно новой основе фундаментальные проблемы межлитературных взаимодействий. Эти проблемы обостряются в условиях обнаруживающейся универсальности цивилизационного процесса, с одной стороны, и усиливающейся потребности в культурной самоидентификации – с другой.

Рост национального самосознания разных народов, поликультурность современного общества, существование в нем разных конфессий, идеологий и ценностных ориентаций актуализируют проблемы межкультурных диалогов.

¹ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы: пер. со словац. М., 1979. 320 с.

² Проблемы современного сравнительного литературоведения: сб. ст. М., 2004. С. 80.

В связи с этим возникает необходимость пересмотра устоявшихся схем и понятий сравнительного литературоведения. Компаративистские исследования, выполненные в традиционном генетическом и типологическом русле, подвергаются критике. Первые – за эмпиризм и описательность и, соответственно, недостаточное внимание к поэтике анализируемых текстов³. При типологическом подходе в тени остаются национальный контекст историко-литературных процессов, художественный мир отдельных писателей, взятый в своей неповторимой содержательности.

Ряд ученых обращается к диалогическому сопоставлению индивидуализированных творческих практик, национальных художественно-эстетических традиций, исследованию конкретного национального литературного процесса, творчества писателя, идейно-эстетической концепции, метода, жанрово-стилистических особенностей произведений с привлечением возможностей компаративистики, в контексте иной национальной литературы. Перспективными признаются разыскания в области имагологии – познания духовного образа того или другого народа с точки зрения иного национального сознания. Приоритетным направлением сравнительного литературоведения становится изучение закономерностей в межлитературных отношениях, поиски системности в них⁴. В свете тенденций развития современной теоретической компаративистики актуальной представляется задача – выработать новый подход к описанию межлитературного процесса, новые принципы его систематизации.

Особое значение данной теме придает билингвизм, определяющий социокультурную ситуацию во многих национальных республиках. Владение двумя или несколькими языками, чтение художественных текстов, принадлежащих разным национальным литературам, в оригинале способствуют восприятию своей культуры в столкновении и единстве с культурами других народов страны и ряда государств постсоветского пространства. Возникающее в сознании читателей сопоставление «своего» и «чужого» может стать основой для образования новых научных парадигм, соответствующих реалиям современных межлитературных взаимодействий.

Тему диссертации позволяет считать актуальной и тот факт, что диалогичность в современных условиях выступает в качестве философского принципа осмысления окружающего мира и обеспечивает полноту его постижения возможностью совмещения двух позиций – позиции «вживания» и позиции «вне-находимости» (М.М.Бахтин).

Изучение русско-татарских литературных связей имеет свою **историю**.

³ Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 137; Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения. Тверь, 1998. С. 30.

⁴ См.: Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток – Запад. СПб., 2004. 390 с.; Проблемы современного сравнительного литературоведения; Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: сб. науч. ст. Чебоксары, 2010. 140 с.; Чалисова Н.Ю., Смирнов А.В. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия. М., 2000. С. 245–344; др.

В татарской литературоведческой науке первые опыты в области компаративных исследований были сделаны К.Насыри. Принципы и приемы анализа межлитературных взаимодействий складываются в 1920 – 1930-е гг. в книгах Г.Нигмати, Г.Сагди, Г.Газиза, Г.Рахима и некоторых других ученых. Вопросы влияния русской литературы на татарских писателей начала XX в. освещаются в трудах Н.Вагапа, Г.Тулымбая, З.Шарки, И.Гази, Ф.Бурнаша, М.Гайнуллина, Х.Хисматуллина, И.Г.Пехтелева и др.

Вопрос о соотношении национального художественного опыта с инонациональным приобретает принципиальное значение при осмыслении своеобразия художественного метода писателей, жанрового облика татарской литературы начала XX в. Приемы и способы психологического изображения в произведениях Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова и др. рассматриваются литературоведами преимущественно в контактно-генетических связях с творчеством русских художников слова⁵. Г.Халит устанавливает типологические параллели между русской и татарской литературами XIX – XX вв. на уровне тем, мотивов, образов, жанров, методов, настаивая на том, что типологическое сходство структуры и принципов развития характеров в произведениях русских и татарских писателей не является следствием простого «влияния» одной национальной литературы на другую. Это – процесс творческого усвоения, результатом которого стало создание оригинальной национальной формы психологического романа и повести. Типологические параллели указывают на линии потенциально возможных контактов.

Две стороны межлитературного процесса – контактно-генетические связи и типологические схождения – постепенно начинают осознаваться как категории, образующие подвижную формулу, функционирование которой зависит от конкретного национально-литературного и исторического материала. В диссертационном исследовании Ю.Г.Нигматуллиной «Повести И.С.Тургенева 60 – 70-х годов и их традиции в татарской литературе начала XX века (И.С.Тургенев и Ф.Амирхан)» типологическое сходство творчества писателей, проявляющееся в жанрово-стилистических особенностях их произведений, принципах художественного воссоздания действительности, трактуется как явление, обусловленное воздействием традиций тургеневской повести на прозу Ф.Амирхана. Н.М.Валеев выявляет сходство сюжетной схемы «духовного испытания» в рассказах и повестях Ф.Амирхана с ситуациями нравственного суда в произведениях И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого и подчеркивает «непрерывную изменчивость» и «гибкую вариативность» данной модели в творчестве татарского писателя⁶.

Внимание литературоведов привлекают такие темы, как «Н.В.Гоголь и татарская литература» (М.Х.Гайнуллин, Х.Хисматуллин, Р.Башкуров); «М.Горький и татарская литература» (Х.Усманов, М.Х.Гайнуллин), «Л.Н.Толстой и та-

⁵ См.: Сайганов А. У истоков эстетики реализма: Эстетика Ф.Амирхана и ее место в развитии татарской реалистической литературы. Казань, 1982. С. 94; Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов. Казань, 1977. С. 38.

⁶ Валеев Н.М. В мире нравственных исканий: исследование. Казань, 1985. 120 с.

тарская литература» (М.Х.Гайнуллин, Р.Мустафин, Р.Башкуров, Ф.И.Агзамов, М.С.Магдеев, О.Х.Кадыров и др.). Закономерности восприятия творческого наследия русских художников слова осмысливаются сквозь призму категорий компаративистики. При этом контактно-генетический аспект представлен как стимулирующий возникновение типологических параллелей. Так, О.Х.Кадыров исследует своеобразие психологизма Г.Исхаки и приходит к выводу о творческом усвоении татарским писателем открытых Толстым способов постижения внутренней жизни человека: «Черты сходства Толстого и Исхаки – это черты общетипологического плана, сходство в самом типе художественного мышления обоих писателей»⁷.

От генетического сравнения к типологическим обобщениям – такова логика рассуждений Э.Г.Нигматуллина о разных вариантах приобщения татарской литературы 1-й трети XX в. к общемировому литературному процессу. Э.Г.Нигматуллин доказывает, что творческие контакты татарских и западноевропейских писателей носили отнюдь не случайный характер: они были обусловлены созвучием художественно-эстетических взглядов, замыслов, сходным видением мира, поисками новых методов и приемов художественного изображения. Сравнительно-типологический метод применяет А.М.Саяпова, обращаясь к исследованию сходных явлений и процессов в русской и татарской литературах. Она прослеживает историю формирования татарско-русских литературных связей, характеризуя их как генетические и типологические⁸.

Теоретико-методологические аспекты интересующей нас темы разрабатываются в трудах Ю.Г.Нигматуллиной. В монографии «Национальное своеобразие эстетического идеала» реализуется системно-комплексный подход к исследованию категорий, посредством которых устанавливается специфика национальной литературы; доказывается тезис об относительности «границ» между общечеловеческим, национальным и индивидуальным в художественном мышлении писателей. Особое место в историко-типологических сопоставлениях русской и татарской литератур занимает ее исследование «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур». К существенным итогам работы следует отнести расширение возможностей компаративистики, включение в проблематику сравнительного литературоведения цивилизационного и культурологического подходов.

В ряде работ тенденции и закономерности национального историко-литературного процесса конца XIX – XX вв. и творчество отдельных писателей анализируются в широком контексте культурно-исторического взаимодействия Запада и Востока. А.Г.Ахмадуллин объясняет многие достижения татарской литературы тем, что в ней осуществляется синтез национальных, восточ-

⁷ Кадыров О.Х. Роль Л.Н.Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1996. С. 242.

⁸ См.: Саяпова А.М. Татарско-русские литературные связи в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1982. 23 с.

ных и западных традиций⁹. В монографии «Дардменд и проблема символизма в татарской литературе» А.М.Саяпова включает художественное слово Дардменда и других его современников в контекст философско-эстетической мысли Востока и Запада. Выявляются многочисленные параллели между творчеством русских и татарских писателей, суфийской поэзией и символизмом XX в., демонстрирующие типологическое сходство разных художественно-эстетических систем.

В последние два десятилетия в компаративистских исследованиях русской и татарской литератур активно осваиваются процессы национальной и культурной идентификации. Одним из приемов, помогающих воссоздать специфику и динамику национального художественного сознания, является описание контекстов, которые базируются на диалоге философии, литературы, культурологии. При таком подходе национальное предстает как система взаимовлияний и противоборств направлений, жанров, стилей. Например, Р.К.Ганиева считает, что творчество Г.Исхаки являет собой органический синтез философско-эстетических и литературных традиций Востока и Запада¹⁰. С точки зрения ученого, художественный метод Ф.Амирхана – сложное синтетическое явление, вобравшее в себя художественно-эстетический опыт модернистских течений, обогативших художественную систему его реализма¹¹. Ю.Г.Нигматуллина прослеживает процесс формирования «запоздалого модернизма» в татарской литературе и изобразительном искусстве в широком контексте авангардистского искусства России и Западной Европы¹². Д.Ф.Загидуллина выявляет причины, стимулирующие возникновение в татарской литературе начала XX в. модернистских течений. Одной из них является диалог с русским и западноевропейским модернистским искусством.

Таким образом, сравнительный подход к изучению русской и татарской литератур XIX – XX вв. обрел известную степень законченности в описании контактных связей и типологических схождений. Внешние и внутренние контакты одной национальной литературы с другой не противопоставляются типологическим схождениям, обусловленным общественно-историческими, литературными, психологическими и другими причинами. Представленный экскурс в историю изучения русско-татарских литературных связей свидетельствует о том, что татарские писатели 1-й трети XX в. творчески восприняли опыт русской классической литературы, ориентировались на него в решении стоящих перед ними специфических художественно-эстетических задач. Усвоение художественных открытий русских писателей осуществляется в таких формах,

⁹ Очерки по истории татарской культуры (в контексте «Запад – Восток»): сб. ст. Казань, 2001. С. 221.

¹⁰ Ганиева Р.К. Исхакый ижаты: КДУ студентлары өчен махсус курс программасы // Мирас. 1998. № 5. Б. 63–78.

¹¹ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань, 2002. С. 95.

¹² Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань, 2002. 176 с.

как литературная критика¹³, перевод, переложения¹⁴, теоретико-литературные концепции, создание оригинальных произведений искусства. Обращаясь к различным формам сравнительного метода (историко-генетическому, сравнительно-историческому, историко-типологическому, сравнению по аналогии, синтетическому сравнению и др.), литературоведы решают разные задачи: воссоздают процессы интеграции, ассимиляции, рецепции, преемственности художественных ценностей в инациональном контексте, показывают переход от сходств к различиям и т. д.

Основу межлитературных взаимодействий составляют диалогические отношения, сохраняющие и приумножающие художественно-эстетические ценности разных народов. Существующие между национальными литературами контактные связи и типологические схождения по своей природе диалогичны. Однако понятия «диалог», «диалогические отношения», функционирующие в исследованиях межлитературного процесса как тема и мотив, не осмысливаются, как правило, в том значении, которое предлагается в данной работе. Они используются преимущественно для обозначения «литературных связей», «традиций и новаторства», «интертекстуальности» и фиксируют внимание на вопросно-ответной структуре межлитературной коммуникации.

До сих пор не становились предметом самостоятельного научного исследования типы диалогических отношений между национальными литературами, принципы их выделения и описания, роль в межкультурных взаимодействиях, позиция субъекта диалога литератур. Практически отсутствуют труды, предлагающие концепцию диалога литератур как отношений «Я» к «Ты», межсубъектных отношений в их предельной выраженности и суммирующие с этой точки зрения богатейший эмпирический материал. На наш взгляд, контрастивный способ характеристики явлений разных национальных литератур, помогающий понять их место в культурном мире, является необходимым условием нового осмысления историко-литературного процесса.

Научная новизна. В диссертации впервые в науке предпринята попытка описать диалог как явление межлитературных взаимодействий, соответствующее эстетической сущности последних. Диалогические отношения между национальными литературами рассматриваются как формы межлитературного процесса, принципиально отличающиеся от контактных связей и типологических схождений. Природа диалога, его всеобъемлющий характер и активные функции демонстрируются в работе на широком материале русской и татарской литератур разных периодов их истории (2-й половины XIX в. и 1-й трети XX в.). Выявленные закономерности проясняют некоторые типологические черты межлитературных диалогов.

¹³ См.: Русско-татарские литературные взаимосвязи: (проблемы сопоставительного исследования): библиографический указатель / сост. А.З.Хабибуллина, М.М.Сидорова. Казань, 1999. С. 71–124.

¹⁴ Нигматуллин Э.Г. Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань, 2002. 176 с.; Русско-татарские литературные взаимосвязи. С. 124–128.

Впервые особое внимание уделяется категории читателя как самостоятельной инстанции в системе межлитературного процесса.

Новизна избранного подхода к анализу материала, как привлекавшегося ранее к специальному изучению, так и только вводимого в научный оборот¹⁵, позволяет пересмотреть устоявшиеся взгляды на историю русско-татарских литературных связей, представляя последнюю как процесс, с одной стороны, единый, с другой – более дифференцированный и структурированный.

Обосновываемые в диссертации принципы и приемы исследования межлитературного процесса выступают как способ постижения национальной идентичности находящихся в диалоге литератур. Новизну диссертации придает рассмотрение поэтики произведений татарских писателей 1-й трети XX в. сквозь призму «художественных идей» русской классики XIX в. Сопоставление русской литературы 2-й половины XIX в. как целостного образования с татарской прозой 1-й трети XX столетия актуализирует скрытые и не проявляемые в иных контекстах аспекты ее «кодирующей системы» (Ю.М.Лотман).

Различия, фиксируемые на разных уровнях художественной системы произведений русских и татарских писателей, способствуют постижению национальной специфики сопоставляемых явлений. Новые смыслы, порождаемые межлитературными отношениями, определяют содержание и функционирование действующей в литературе категории универсального.

Научная новизна исследуемых в диссертации проблем обусловлена прежде всего сложно и динамично развивающимися в настоящее время отношениями между разными литературами как в современной России, так и на всем постсоветском пространстве и той в конечном счете возможной интегрирующей ролью русской литературы в этих условиях.

Цели исследования:

- установить типы диалогических отношений между произведениями русских писателей 2-й половины XIX в. и татарских прозаиков 1-й трети XX вв.;
- раскрыть механизмы формирования разных типов диалогизма;
- выявить эпистемологический потенциал позиции вненаходимости одной литературы по отношению к другой.

Задачи:

- дать характеристику выделяемым в литературоведении формам межлитературного процесса, раскрыть принципы их систематизации;
- выявить ценностно-смысловой потенциал универсалий словесно-художественного искусства как категорий компаративистики;
- обосновать методы и приемы интерпретации инонациональных художественных традиций;
- определить системообразующие связи, лежащие в основании сопоставляемых культур и объясняющие их особенности; проследить гомологическую

¹⁵ См.: *Рәхим Г.* Сайланма эсәрләр. Казан, 2004. 287 б.; Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан, 2007. 399 б.; др.

цепочку показателей, придающих литературе характерную национальную манифестацию;

– выявить и проанализировать устойчивые закономерности, свойственные поэтике татарской прозы 1-й трети XX столетия; рассмотреть их индивидуально-авторские модификации; показать формы взаимосвязи между индивидуальным мировидением и национальными корнями образного мышления;

– сопоставить разные уровни художественной системы произведений русских и татарских писателей указанного периода, охарактеризовать структурно-содержательные особенности исследуемых текстов, существенные для понимания их национально-исторического своеобразия;

– выделить и описать смыслы, которые формируются отношениями между «своим» и «чужим».

Объект исследования – произведения русских писателей 2-й половины XIX в. (И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и др.) и татарских прозаиков 1-й трети XX столетия (Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Ш.Камала, Г.Рахима и др.). Тексты отобраны по признакам художественной ценности и наибольшей характерности для писателя, региона, эпохи. Репрезентативность при этом обеспечивается не исчерпывающей полнотой исследуемого литературного материала, а тем, что анализируемые нами произведения являются по-своему «классическими», принадлежат первому ряду русской и татарской словесности.

Отбор материала осуществлен на основе теоретических представлений о характере изучаемых литературных эпох. Неравномерность мирового литературного процесса обуславливает возможность существования на одном синхронном срезе разных стадий развития национальных литератур. Сходные явления и процессы в русской и татарской литературах размещаются на разных хронологических уровнях, возникают при ритмико-хронологических несовпадениях. Ю.Г.Нигматуллина утверждает: «Если русская литература переживала в XIX веке свой “золотой век”, то у татарской литературы “золотой век” еще будет впереди, в начале XX столетия»¹⁶.

Начало XX в. в татарской литературе отмечено существенными изменениями в типе художественного видения мира, способах мышления и самовыражения. В эту эпоху сосуществуют и активно взаимодействуют разные литературные направления: просветительский и критический реализм, романтизм, натурализм, модернизм. Поэзия и проза обогащаются новыми жанровыми формами, зарождается драматургия нового типа. В поэтике доминирует авторское начало. Типологическая близость с произведениями русской литературы 2-й половины XIX в. обнаруживается на уровне эстетических концепций, сходных тем и проблем, типов героев, системы образных средств.

Вне нашего внимания осталась «риторическая» линия развития русского реалистического романа, к которой относятся произведения А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина. Тексты татарских писателей,

¹⁶ *Нигматуллина Ю.Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань, 1997. С. 101.

как рассматриваемые нами, так и не привлекаемые к анализу («Исчезновение через двести лет» Г.Исхаки, «Фатхулла хазрет» Ф.Амирхана, «Наши дни» Г.Ибрагимова и др.) будут корреспондировать с этой линией русского романа иначе, формируя иные типы диалогических систем.

Предметом анализа в диссертации являются различные типы семантических связей между текстами, принадлежащими русской и татарской литературам. Особое внимание уделяется характеру соотношения формы и содержания, организации речевого материала, принципам построения сюжета и художественного образа, мотивационным структурам, типам субъектной организации, способам и приемам психологического изображения.

Теоретическая основа исследования. Мы ориентируемся на сложившиеся в отечественной и зарубежной компаративистике традиции сравнительного изучения национальных литератур, а также учитываем существующий в литературоведении опыт описания бинарных литературных связей: исследования А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, Н.И.Конрада, П.Н.Беркова, И.К.Горского, Г.Д.Гачева, Ю.Б.Виппера, Л.С.Кишкина, П.А.Гринцера, И.Г.Неупокоевой, Б.Л.Рифтина, Д.Димы, Д.Дюришина, И.Шётера, В.А.Миловидова, Г.А.Тиме, В.И.Тюпы, Ю.Г.Нигматуллиной, Р.К.Ганиевой, Х.Ю.Миннегулова и др.

В процессе изучения русской литературы XIX в. накоплен большой материал сопоставлений и обобщений разного характера и уровня. Мы опираемся на исследования, посвященные роману XIX в. как той форме, в которой русское художественное словесное мышление обрело свой национальный жанр; русскому реализму XIX в.; психологическому искусству Тургенева, Толстого, Достоевского и др.; специфике художественного образа в русской классической литературе, ее культурным кодам и архетипам: М.М.Бахтина, С.Г.Бочарова, Л.Я.Гинзбург, Г.Д.Гачева, Г.А.Гуковского, И.А.Есаулова, А.Б.Есина, Г.Б.Курляндской, Б.М.Лотмана, В.М.Марковича, В.А.Недзвецкого, В.Г.Одинокова, О.Н.Осмоловского, И.П.Смирнова, Н.Д.Тамарченко, У.Р.Фохта, Г.М.Фридлендера, Е.Г.Эткинда, А.Я.Эсалнек и др.

Существенное значение для нас имеют исследования Г.Халита, А.Сайганова, И.Нуруллина, М.Хасанова, Ю.Нигматуллиной, Р.Ганиевой, Д.Загидуллиной и др., в которых татарская литература 1-й трети XX в. характеризуется как целостное эстетическое образование со свойственными ей едиными образными и сюжетными архетипами, сквозными мотивами, специфической проблемностью.

Ценными оказались труды отечественных и зарубежных востоковедов, в которых раскрываются основные черты арабо-мусульманской культуры, определяются характерные для нее «процедуры» формирования смысла, выявляются специфика восприятия мира и принципы его отображения в художественном творчестве народов Востока, описываются конститутивные для данного типа духовности трансисторические категории и модели, порожденные «культурным бессознательным»¹⁷: Е.Э.Бертельса, В.И.Брагинского, Г.Э. фон Грюнебаума,

¹⁷ См.: Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004. С. 7–43.

Н.В.Ефремовой, Т.К.Ибрагима, А.Б.Куделина, А.Курбанмамадова, Л.Масиньона, Н.И.Пригариной, А.В.Сагадеева, А.В.Смирнова, И.В.Стеблевой, М.Т.Степанянц, Н.И.Фильштинского, Е.А.Фроловой, Б.Я.Шидфара, А.Шиммель, Ш.М.Шукурова и др.

Методологическая основа исследования. Концепцию данной работы определяет *идея М.М.Бахтина о диалоге* как «универсальном явлении, пронизывающем всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение»¹⁸. Понятие диалога как особого вида смысловых отношений акцентирует понимание эстетического объекта как бытийно-эстетического образования, в основе которого лежат персоналогические и имманентно-социальные отношения между субъектами – «я» и «другим», автором и героем. Нас интересует один из аспектов этой теории – диалог культур как форма их бытия в «большом» времени. М.М.Бахтин развивает мысль о том, что каждая культура является одним из участников диалога – таким участником, который в общении с другими культурами обнаруживает и впервые формирует новые свои смыслы, формы, устремления, к этой иной культуре обращенные.

Методологическую базу для научных разысканий в области диалога литератур составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные *проблеме восприятия и связанного с ним понимания*, – работы М.М.Бахтина, Х.-Г.Гадамера, П.Рикера, Р.Ингардена, Х.Р.Яусса, В.Изера и др. Принципы герменевтики и рецептивной эстетики получают развитие и конкретизацию в специализированных методиках и интерпретационных моделях, разрабатываемых в трудах Ю.Б.Борева, Р.И.Павилёниса, Г.И.Рузавина и др.

Предпосылкой и основанием для постановки вопроса о моделях диалогических отношений между национальными литературами послужили *семиотические и структуралистские концепции отечественной и зарубежной науки*. На предлагаемую в данной работе концепцию диалога литератур существенное влияние оказали труды Ю.М.Лотмана, прежде всего его семиотика текста и теория семиосферы. Ю.М.Лотман формирует представление о тексте как о динамическом, внутренне противоречивом семиотическом пространстве, в имманентной структуре которого заключена потенциальная возможность генерирования новых смыслов. Для того чтобы эта возможность превратилась в реальность, необходим другой текст, читатель или культурный контекст¹⁹. Из других идей Ю.М.Лотмана отметим понятие о границе, выполняющей структурные функции отделения своего от чужого, внутреннего пространства от внешнего. Ю.М.Лотман называет границу «горячей» точкой семиообразовательных процессов, местом непрерывающегося диалога. Осознать себя в культурно-семиотическом отношении – значит осознать свою специфику, свою противопоставленность другим сферам²⁰.

¹⁸ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1963. С. 56.

¹⁹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 70.

²⁰ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 183, 175–192.

Понятийный аппарат. Онтологическое и концептуально-семиотическое осмысление основных моделей диалогических отношений между национальными литературами осуществляется с помощью категорий «своего» и «чужого», «я» и «другого». Природа «чуждости» основывается на противопоставленности аспектов этнолингвистических, этико-вероисповедальных, пространственно-географических²¹. М.Ю.Лотман выделяет социальные позиции, воспринимаемые в том или ином обществе как безусловно чужие²². Объем и содержание концепта «чуждости» конституируют и те параметры, в которых формулируются дихотомные типологии культур. Х.-Г.Гадамер полемизирует с Ф.Э.Шлейермахером, трактующим проблему чуждости в психологическом ключе как данность, нерасторжимо связанную с тайной индивидуальности «Ты», и настаивает на герменевтическом понимании того напряжения, которое создает полярность «своего» и «чужого»²³.

Поскольку пространство «чужого» всегда воспринимается как недоступное и непостижимое, предел «своего», концептуальную роль играет установление границы, где «свое» встречается с «чужим», осознает и проявляет себя. Преодоление границы ведет к растворению «чужого» в «своем», его освоению²⁴. В процессе диалога культур и литератур его участники входят в мир иных художественно-эстетических ценностей и обретают свое неповторимое место в «зоне контакта» с «чужими» познавательными, этическими и эстетическими смыслами.

Мы оперируем понятиями «я» и «другой», опираясь на установленный Ю.М.Лотманом структурный параллелизм текстовых и личностных семиотических характеристик, позволяющий в тексте любого уровня видеть семиотическую личность²⁵. «Другой» – тот, кто не есть «я», иной по отношению ко мне, но в то же время подобный и равный мне субъект²⁶. М.М.Бахтин перечисляет черты субъекта, проявляющиеся в диалоге и придающие ему персонафицированный характер: «конкретность (имя), целостность, ответственность и т.п., неисчерпаемость, незавершенность, открытость»²⁷.

В исследовании диалога русской и татарской литератур мы применяем методики структурного, семиотического, герменевтического, компаративного, историко-типологического анализа; элементы культурологического, этнопсихологического, психосемантического, дискурсивно-логического и других междисциплинарных подходов, необходимых для понимания духовно-содержательного «облика» сопоставляемых культур.

²¹ См.: Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 222–232; Сахно С.Л. «Свое – Чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 95–101; Шукуров Р. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости // Чужое: опыты преодоления: очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 5–30.

²² Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 230.

²³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. М., 1988. С. 350.

²⁴ Шукуров Р. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости. С. 25.

²⁵ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 610.

²⁶ Лифинцева Т.П. Философия диалога М.Бубера. М., 1999. С. 39.

²⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 343.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Диалогические отношения между национальными литературами, основанные на различиях, не могут быть логизированы исчерпывающим образом в категориях формального мышления. Они требуют для своего постижения участия контекстуального и нарративного способов познания. При этом содержание понятий, традиционно используемых при описании явлений одной национальной литературы, превращается в субтексты новых дискурсов. Понятия, воспринимаемые до этого как онтологические, лишаются своей неоспоримости, растворяясь в дискурсивности.

Для того чтобы познать ту или другую национальную литературу «изнутри», в ее собственной логике, необходимо найти критерии, соответствующие ее внутренней структуре, идентичные ей. Такой подход может способствовать преодолению монологического принципа в теории межлитературных взаимодействий, акцентируя внимание на многообразии литературной действительности и различиях, являющихся источником диалога. При этом «чужое» предстает как вне и рядом стоящее и в то же время «свое», «свое» же познается «через другого», переосмысливается с позиций «чужого».

2. Вводимое в литературоведческую компаративистику понятие «межлитературный диалог» связано с представлением о формах бытия и взаимодействия культур, об искусстве как о семиотической системе, ее двойной – моделирующей и знаковой – сущности, знаково-коммуникативной природе текста, способах осуществления художественной коммуникации. Диалог литератур создает для каждой из них герменевтическую ситуацию, в которой осуществляется самопознание и происходит понимание «Другого».

3. Диалог между национальными литературами реализуется в двух сферах – в сознании писателя и (или) читателя. Адресат становится участником межлитературного процесса и создает то семантическое пространство, во времени и континуальности которого происходит встреча двух (и более) ценностно-смысловых ориентаций, позиций, голосов.

4. Потребность самоопределения «я» среди «других» реализуется через различные варианты отношений «своего» и «чужого». Из всего многообразия этих отношений между русской литературой 2-й половины XIX в. и татарской прозой 1-й трети XX столетия мы выделили как основные и наиболее значимые следующие их виды: «“свое”, противопоставленное “чужому”», «“свое”, полемизирующее с “чужим”», «“свое” как переструктурированное “чужое”», «“свое”, сходное с “чужим”». Они образуют диалогические системы, репрезентативность которых обеспечивается тем, что в них проявляются основные тенденции национального культурно-исторического развития, обнаруживается взаимодействие конвергентных и дивергентных механизмов межлитературного общения.

5. Основу межлитературного диалога составляют эстетические отношения взаимоотражения и взаимоосвещения «своего» и «чужого», которые оказываются возможными благодаря тому, что «я» и «другой» выступают как языки двух национально-исторических типов художественно-эстетического сознания.

6. В представленных моделях диалогических систем произведения татарских писателей по-разному соотносятся с внеположным им миром «Другого» – русской литературой 2-й половины XIX в.: выражают самодостаточную и завершенную позицию («“свое”, противопоставленное “чужому”», «“свое”, сходное с “чужим”») или учитывают точку зрения культурного «собеседника» («“свое”, полемизирующее с “чужим”», «“свое” как переструктурированное “чужое”»).

Типы отношений: «“свое”, противопоставленное “чужому”», «“свое”, сходное с “чужим”» – означают, что произведения остаются внутренне монологичными, т. к. точка зрения «Другого», принимаемая во внимание или игнорируемая, выносится за пределы текста, и реализуется одна смысловая позиция, которая самоутверждается именно как «я» во внеположном ему мире «других».

Полемическая ориентация на «чужое» высказывание, имплицитно присутствующая в тексте, создает внутреннее напряжение между разными смысловыми позициями, по отношению к которым авторское «я» самоопределяется. Происходит усложнение субъектной организации произведения: намечается тенденция, разрушающая монологизм авторского сознания.

Включение «чужого» слова в пространство «своего» («“свое” как переструктурированное “чужое”»), снимающее границу между «своим» и «чужим», отражает «востребованность» чужого художественно-эстетического опыта, актуализируемого в авторском контексте и участвующего в формировании «своего» высказывания о мире и человеке.

7. Диалог между художественными текстами, относящимися к разным национальным традициям, оказывается существенным для представления о каждой из литератур как о сложно построенной и внутренне связанной целостности, а также о формах межлитературного процесса, систематизация которых возможна не только на базе сходства рассматриваемых феноменов, но и их различий, основанных на уникальности сопоставляемых литератур.

Теоретическая значимость диссертации. В литературоведческую компаративистику вводится новый принцип классификации и осмысления связей между литературными явлениями. Теоретически обосновывается и подтверждается анализом конкретного историко-литературного материала возможность рассмотрения типов диалогических отношений между национальными литературами как форм межлитературного процесса. Выявляется концептуально-семиотическая природа основных типов диалогических отношений, формирующихся между двумя национальными литературами. Устанавливается и описывается свойственная каждой модели диалога архитектоника «смысловых и ценностных кругозоров» (М.М.Бахтин), соответствующих двум национальным литературно-художественным системам.

Исследование уточняет понятие «национальная идентичность», особенности ее проявления и функционирования. Представленный в работе сопоставительный анализ произведений русских писателей 2-й половины XIX в. и татарских прозаиков 1-й трети XX в. выявляет конститутивные черты жанрового сознания, концепции мира и человека, стилистико-семантических закономер-

ностей, сообщающие системный характер вступающим в диалог текстам и определяющие их национально-историческое своеобразие. Материалы диссертации могут быть востребованы в качестве теоретической основы и при выявлении интегративных процессов в мировой литературе.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при определении содержания и объема понятий литературоведческой компаративистики: «сравнение» и «сопоставление» национальных литератур, «межлитературный процесс», «межлитературный диалог», «формы межлитературного процесса», «читатель», «национально-исторические типы художественной семантики»; при создании истории русско-татарских литературных связей.

В диссертации выработан исследовательский инструментарий для анализа межлитературных диалогов, который может быть применен к решению аналогичных задач.

Положения диссертации могут учитываться в общевузовских курсах по теории литературы, истории татарской литературы 1-й трети XX в., истории русской литературы XIX в., в спецкурсах, посвященных проблемам сравнительного и сопоставительного изучения национальных литератур, могут быть востребованы студентами-филологами (в рамках дополнительных специализаций «Русский язык и литература в межнациональном общении», «Сравнительное литературоведение»).

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в монографии, статьях, тезисах и учебных пособиях, а также излагались на более чем 40 международных, всероссийских, межвузовских, республиканских, университетских научных конференциях в период с 1998 по 2010 годы в Москве, Санкт-Петербурге, Познани, Варне, Екатеринбурге, Казани, Киеве, Ижевске, Елабуге, Чебоксарах, Нижнем Новгороде.

Материалы диссертации использовались в учебных курсах «История русской литературы XIX в.», «Методика преподавания русской литературы в национальной школе», в спецкурсах «Основы сравнительного и сопоставительного литературоведения», «Основы литературоведческого анализа», которые читаются на филологическом факультете К(П)ФУ для студентов специализации «Русский язык и литература в межнациональном общении».

Структура работы обусловлена логикой раскрытия темы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы – 632 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и новизна, формулируются цели и задачи работы, определяются теоретико-методологическая база исследования, принципы подхода к материалу, понятийный аппарат.

В **первой главе** диссертации «**Межлитературный процесс: принципы систематизации**» выявляется эпистемологический потенциал принятой в ли-

тературоведении классификации связей между литературными явлениями и обосновывается необходимость дополнить ее новыми принципами систематизации и структурирования межлитературного процесса.

В разделе 1.1. «*Формы межлитературного процесса и их осмысление в литературоведении*» внимание концентрируется на тех противоречиях и трудностях, с которыми сталкиваются ученые, пытаясь упорядочить межлитературный процесс и выработать критерии сравнительного анализа.

При изучении контактных взаимодействий и типологических схождений наблюдается расширение пределов компетенции и происходит преобразование функций компаративистики. Решающая роль в этом процессе принадлежит концепции интертекстуальности: механизмы интертекстуального анализа, направленные на поиск разнообразных «текстовых плоскостей», в том числе и иноязычных, инокультурных, переводят проблематику сравнительного литературоведения в сферу общей поэтики²⁸. В рамках исследования типологических схождений решается, как правило, двуединая задача дифференциации сходств и различий. Одной из задач компаративистики считается познание специфики национальных литератур. Однако объем и содержание понятий, раскрывающих национальное своеобразие художественного текста, получают теоретическое переосмысление²⁹.

Выделив и терминологически оформив три аспекта сравнительно-литературных исследований, В.М.Жирмунский приходит к выводу, что в сравнительно-исторических исследованиях нельзя останавливаться на уровне простого сопоставления сходных литературных явлений. Высшая цель компаративистики – историческое объяснение этих сходств. На зависимость типологического сходства литературных процессов от сходства исторических условий указывают и другие ученые (Н.И.Конрад, П.А.Гринцер, Д.Дюришин, И.Г.Неупокоева). Однако сходства, возникающие между литературами разных регионов, зачастую нельзя объяснить ни «общим источником», ни сходством определенного комплекса исторических условий.

Объяснительная сила многих категорий и понятий, применяемых при описании межлитературного процесса, ограничена пределами одной или нескольких родственных, а также близких друг другу в культурно-историческом плане национальных литератур. Несмотря на заключенные в типологических стратегиях исследования методологические возможности и эвристический потенциал, следует признать наличие культурно-исторических и литературных феноменов, не согласующихся с системой типологических признаков этих катего-

²⁸ См.: Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст: Введение в проблематику сравнительного литературоведения. С. 44–47; Смирнов А.А. Функция компаративистики в современном литературоведении // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты: материалы Междунар. науч. конф. «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М., 2003. С. 17–22.

²⁹ Васильев Н.Л. Историзм и относительность концепта «национальная литература» // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. С. 53–58; Проблемы современного сравнительного литературоведения. С. 11–16.

рий, что лишает оправдания прямой перенос понятий, сформированных в рамках европейской культуры, на другие регионы.

Увидеть литературный процесс как развивающийся по своим внутренним, имманентным законам позволяют универсалии словесно-художественного искусства. В разделе 1.2. *«Универсалии словесно-художественного искусства как категории компаративистских исследований»* рассматриваются источники устойчивых способов мышления и самовыражения в искусстве: мифы, архетипы, психоисторические модели, сущностные параметры человеческой психологии, проявляющиеся в системе «автор – произведение» и «произведение – читатель», и др. Универсалии могут актуализироваться в типологических категориях, но в отличие от типологических схождений они не объясняются полностью сопряженными их реализации историческими условиями.

Связывая литературные формы с символикой мифа, ритуала, историческими процессами, культурными кодами, константами бытия и природы человека, универсалии выявляют инвариантные свойства художественного дискурса, «архетипы» творческого воображения и повествовательных ресурсов писателей. Универсалии словесно-художественного искусства функционируют в компаративистских исследованиях в качестве общих оснований сравнения и сопоставления национальных литератур. Они служат средством построения гипотетико-дедуктивных моделей межлитературного процесса, определяют метод его исследования: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, тематико-мифологический, формально-стилистический, структурно-функциональный. Но поиск архетипического, повторяющегося, устойчивого в мировой литературе не снимает потребности в идентификации национальных литературно-художественных систем.

Дискуссионность проблемы универсалий в современной науке обусловлена существованием двух подходов к трактовке «универсального», имеющих разную эпистемологию: «универсальное» понимается как возникшее под детерминирующим влиянием «общего», и «универсальное» как обусловленное множественностью его содержательного раскрытия. В современном научном дискурсе настойчиво заявляет о себе тенденция, связанная с признанием того, что каждая культурная область имеет свою специфику развития и различия между национальными традициями столь же существенны, как и их единство. Осознание насущной необходимости поисков адекватных средств понимания уникальности той или иной национальной художественной системы определяет остроту постановки герменевтических проблем в области компаративных исследований.

При углубленном анализе текстов, принадлежащих разным культурно-историческим традициям, возникает ситуация, когда понятия европейской и русской литературоведческой науки оказываются «не работающими» на литературном материале, имеющем иную языковую структуру и отражающем иные традиции художественного видения мира. В разделе 1.3. *«Инонациональные литературно-художественные традиции: пути интерпретации»* определяются методы и приемы исследования инонациональных художественных

традиций в присущем им специфическом семантическом и образном поле, зачастую непереложимом на языки иных культур: акцентированное исследование терминов и сравнительный (или сопоставительный) анализ понятий разных культур, использование эмпатических процедур психологической герменевтики, контекстно-герменевтический подход, описание семантического поля конститутивных для иной национальной традиции категорий как в дискурсивном плане, так и в метафорически образном, проведение параллелей и аналогий в художественных системах литератур Востока и Запада по правилам ассоциации и корреляции.

В работе «К методологии гуманитарных наук» М.М.Бахтин, поставив проблему «контекстов понимания» и разграничив малое время современности и большое время, «близкий» и «далекий» контексты, пишет о нескончаемом обновлении смыслов во все новых контекстах³⁰. В качестве такого «контекста понимания» русской литературы XIX в. в нашем исследовании выступает татарская проза 1-й трети XX столетия, остающаяся вне текстов русских писателей, но являющаяся своеобразным диалогизирующим фоном их восприятия. Принципиально иная ситуация складывается в татарской литературе указанного периода: русская классика XIX в. осознается ею как такой же «полноправный субъект», реальный и конкретный «Другой» (по терминологии М.М.Бахтина), участвующий в концептуализации своего слова о мире и человеке. Высказывание строится не как целое одного сознания, художественного сознания данной национальной литературы, а как диалог, в данном случае содержательно и структурно обязательный, разных равноправных сознаний, осуществляемый на уровне корпуса текстов, осмысленных как целое.

В разделе 1.4. «*Межлитературный диалог как понятие компаративистики*» межлитературный диалог рассматривается в герменевтическом и структурно-семиотическом аспектах. Осуществление межлитературного диалога как возможного и актуального развертывания смысловых отношений предполагает мир «третьего». Им может быть абсолютный надресат – трансцендентальный субъект, тот, кто в диалоге не участвует, но его понимает, и его участники: татарские писатели вступают в диалог с русской литературой («третий» спускается из своего «надстояния» и растворяется в позиции автора). В первом случае создается вертикальная модель межлитературной коммуникации, во втором – горизонтальная: понимание из особого состояния сознания трансформируется в способ бытия и становится структурно-содержательным элементом произносимого высказывания.

Представление о читателе как участнике межлитературного процесса формируется трудами теоретиков рецептивной эстетики, структуралистов, герменевтически ориентированных литературоведов, исследовавших позиции адресата художественного высказывания и определивших его функции в эстетической коммуникации. В позиции читателя – субъекта диалога литератур в максимальной степени реализуется творческий потенциал эстетического восприя-

³⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 372.

тия. Находясь между говорящими на разных языках, он соединяет разделенных и своим присутствием выводит их из потенциальности в актуальное изменяющееся историческое бытие.

При изучении межлитературного процесса востребован не только экзистенциально-феноменологический подход к проблеме читателя, но и концепция «идеального» реципиента – «элемента эстетической реальности» (Б.О.Корман), позиция которого «запрограммирована» автором. Подобно тому, как художественное целое, являющееся инобытием авторского сознания, создает «концепированного» (Б.О.Корман), или «имплицитного» (Ж.Женетт), читателя, так и межлитературный процесс, прежде всего его субъектная архитектура, предполагает постулируемого адресата – «идеальное воспринимающее сознание» (Б.О.Корман), за которым стоит реально существующий социально-исторический и культурно-психологический тип читателя-билингва.

Межлитературный диалог – категория, позволяющая выйти за пределы каузально детерминированных контактно-генетических связей и типологических схождений и обратиться к иному способу осмысления межлитературного процесса, опирающемуся на логику дистанцирования, принципы аналогии, исключающей оппозиции, трансфинитности³¹. Диалогические связи между национальными литературами характеризуются многослойностью, неоднородностью, многообразием межсубъектных связей, их взаимовлиянием друг на друга; сложными, многогранными, противоречивыми процессами взаимодействия «своего» и «чужого», единством прерывного и непрерывного, регионального, национального и всеобщего, универсального. Диалог культур и литератур формирует новые модели их объединения («межлитературные синтезы»), учитывающие многообразие художественно-эстетических традиций, и в то же время выявляет потенциал развития национальной идентичности.

Во второй главе диссертации «**“Свое”, противопоставленное “чужому”**» исследуется один из видов диалогических отношений между татарской прозой 1-й трети XX в. и русской литературой 2-й половины XIX в., который характеризуется бытийной определенностью и основывается на «полифонии голосов» (М.М.Бахтин) – множественности самостоятельных равноправных сознаний и их миров.

В разделе 2.1. «*“Основания рациональности” в сопоставительном изучении русской и татарской литератур*» выявляются лежащие в основании сопоставляемых культур системообразующие связи, детерминирующие характер соотношения формы и содержания, принципы построения художественного образа, сюжетный план произведений, организацию речевого материала в произведениях русских и татарских писателей.

Опираясь на исследования Г.Э. фон Грюнебаума, А.В.Смирнова, Ш.М.Шукурова и др., мы определяем комплекс базовых представлений о выстраивании смысла, сложившийся на арабо-мусульманском Востоке и существенно отличающийся от выработанного в западной традиции. Родо-видовой организации

³¹ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с фр. М., 2004. С. 173.

смысловых единиц, доминантно присутствующей в европейской культуре, альтернативна процедура нахождения смысла, которую порождает присущая художественному сознанию мусульманского Востока фундаментальная и универсально признаваемая теория «указания на смысл»³².

Татарская проза начала XX в. репрезентирует характерные для «восточного» эстетического мировосприятия равноправные и бездоминантные отношения между частью и целым, явлением и сущностью, формой и содержанием. В русской литературе закономерности смыслообразования связаны по преимуществу с дуализмом этих категорий: релевантными оказываются присущие европейской культуре «основания рациональности» (А.В.Смирнов). Региональная детерминация литературно-художественных систем получает национально-историческую конкретизацию.

Сюжетная канва многих произведений татарских писателей 1-й трети XX в. символична и имеет два плана: явный и скрытый. Устанавливая взаимно-однозначные соответствия и взаимопереходы «смысла» и «выговоренности», читатель наделяет текст спектром разнообразных, но, как правило, непременно этически выдержанных значений. Пролагая путь от явного к скрытому и постигая иносказание, он оказывается обладателем смысла более сложного и глубокого, чем тот, что заключен в сообщении. Сюжетная интенция по своему существу и художественной функции совпадает с сюжетным смыслом события.

Художественная повествовательность татарской прозы этого периода обусловлена особенностями построения речевой структуры произведений, основывается на развертывании тропов и фигур. Этот вывод подтверждается анализом рассказа Ш.Камала «Буранда» («В метель», 1910). «Указание» на смысл осуществляется с помощью разнообразных приемов метафорической и символической эквивалентности и параллелизма, особой организацией текста, при которой отдельные эпизоды предваряют последующие события посредством символов, жестов, поэтических тропов, по ассоциативному принципу сцепляются элементы внутренней речи и чужие голоса, пластические композиции и обрывки воспоминаний, провиденциальные мотивы и бытовые реалии. В повествование вторгаются медитативность, субъективная речь автора, его оценки и суждения. Знаки высокого смысла представших читателю коллизий, проблем, человеческих судеб указывают на перспективу, которая требует не абстрагирующего очищения от специфицирующих признаков, а перехода от отдельных явлений к той области, которая лежит вне их и в которой они совпадают.

В произведениях Ш.Камала, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова и др. создается характерная для романного дискурса экзистенциальная картина мира как центрированная вокруг «я» героя система обстоятельств личностного присутствия в жизнепроцессе бытия. Но коммуникативная стратегия данного типа дискурса для реципиента, воспитанного на традициях русской и западноевропейской

³² Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 290–317, 351–353.

литератур, определяется жанром притчи. Характерная для притчи коммуникативная стратегия, в которой проявляется описанная логика смыслопорождения, актуальна для татарской литературы изучаемого периода и соответствует традициям воспитания – адаба.

«Пространство» диалога с данной традицией выдвигает в русской литературе XIX в. в качестве конститутивных иные жанровые признаки и порождающие их процессы смыслообразования. В произведениях русских писателей эстетической доминантой является сюжет, описательные элементы подчинены его задачам и вторичны по отношению к повествованию; преобладают нарративные структуры, как правило чуждые риторике учительного, императивного, монологизированного слова. Для произведений И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и др. характерны скорее поиски «авторитетного», «неоспоримого» слова и коммуникативные стратегии, этим поискам соответствующие. Наличие символического параллелизма, при котором содержание совпадает с формой его выражения, лишь один из элементов поэтики данных текстов, наиболее очевидно проявляющийся на уровне ономастики, цветовой образности, символики чисел и др.³³

Заклученная в «процедурах» смыслопорождения интенциональность обнаруживается и в принципах художественного обобщения. Специфику соотношения между образом и воплощенной в нем сущностью наглядно демонстрируют устойчивые структурно-семантические комплексы, к числу которых относятся символы. Если европейская эстетика констатирует принципиальную нетождественность в символе плана выражения и плана содержания, их столкновение, взаимоотрицание и взаимопереход, то в арабских поэтиках утверждается равнозначность образующих оппозиции категорий: вариативная репрезентация исходного «пре-текста» оказывается не менее важной, чем его внутреннее семантическое ядро.

В символическом образе несовместимые по масштабу и внешней форме явления обнаруживают единство своей внутренней сути. Бесконечность семантической перспективы символа в произведениях русских писателей сопоставима с многомерностью отражаемых явлений, их внутренних возможностей, различными ракурсами их видения. В татарской литературе данного периода символы не обладают потенциалом смысловой бесконечности. Для них характерна замкнутая смысловая структура: они не расширяют свой содержательный объем путем сопоставления с новыми внутренне однородными явлениями и включения в себя их общего смысла, но указывают на общую для бесконеч-

³³ См.: *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.; *Аюпов С.М.* Эволюция тургеневского романа 1856–1862 гг.: Соотношение метафизического и конкретно-исторического. Казань, 2001. 292 с.; *Гуреева Н.В.* Поэтика романа Толстого «Анна Каренина»: бессознательное, художественное время, цветовая образность: дис. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 2006. 166 с.; *Дилакторская О.Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. 352 с.; *Касаткина Т.А.* О творческой природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М.Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. 480 с.; *Топоров В.Н.* Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления: («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы: сб. ст. Саранск, 1973. С. 91–110; др.

ного ряда феноменов область – сферу вечных истин и высших сущностей. К этому выводу приводит анализ семантической структуры сквозных образов-символов в романах Ф.М.Достоевского «Идиот» и Г.Исхаки «Теләнче кызы» («Нищенка», 1907–1914).

«Выход» к «предельным основаниям рациональности» обнаруживают и «смысловые эффекты», возникающие на уровне категорий, в которых реализуется знаково-коммуникативная сторона искусства. Описанной логике смыслопорождения подчинено, в частности, функционирование цитаты в прозе русских и татарских писателей. На материале рассказа Г.Рахима «Бер шагыйрьнен өйләнүе» («Женитьба одного поэта», 1918) выявлено, что использование «чужого» слова, выступающего в роли своеобразного «пуанта» новеллы, не приводит к наращению текстуальной полисемии. Оно вписывает рассказ в контекст европейской традиции и дает ключ к его интерпретации.

В произведениях русских писателей (И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова) цитата в речи героя – путь к раскрытию еще одной грани его личности, звено уходящего в бесконечность причинно-следственного ряда. «Чужое» слово вводит в систему мотивировок художественную информацию из текста-источника, следствием чего становится усложнение характера героя. В повести Г.Рахима «Идел» («Идель», 1921) с помощью приема цитации достигается прямо противоположный эффект. Особое отношение между свойствами характера героя и его поступками, устойчивыми и изменчивыми началами его душевной жизни, загадки поведения начинают подчиняться жестким законам художественного моделирования человека: возводятся к учению Ницше, объясняются им. Аналогичную роль играют цитаты в речи героя, персонажа, рассказчика, повествователя и в произведениях других татарских писателей начала XX в. Цитата является своеобразной «формулой узнавания» героя, определяющей его эстетическое назначение. При этом между свойствами персонажа и его функциями исключаются посредствующие звенья многозначных мотивов и переменных этических оценок.

Системообразующий характер присущих каждой культуре процедур смыслопорождения подтверждается анализом других категорий (пространственно-временной организации текста) и обращением к иным родовым версиям словесного искусства.

Различие ценностно-смысловых установок, доминирующих в русской и татарской культурах и литературах изучаемого периода, усложняет контраст между семантикой «своего» и «чужого», образуя новые взаимодополняющие темы. В разделе 2.2. *«Ценностно-смысловые установки сопоставляемых культур и национально-исторические типы художественной семантики»* раскрывается духовно-содержательный облик региональных художественных культур, который выражается в образной картине мира и места человека в нем. При всей самостоятельности и неповторимости каждого конкретного образа мира и человека в художественном сознании образы эти согласуются между собой и объединяются в гомогенной модели действительности, воплощая сис-

темообразующие для данной культуры виды связи, сходным образом концептуализируя категории субъекта и объекта, человека и мира.

Взаимоотношения человека и мира в произведениях русских писателей строятся на отрицании как сопоставимости, так и несопоставимости явлений, в чем находит выражение дуалистичность (Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский) или дихотомичность (И.П.Смирнов) русского мышления, не допускающего ничего промежуточного, плавного, смешанного. Дизъюнктивность занимает главенствующую структурную позицию в произведениях русских писателей этого периода, подчиняя себе тип конфликта и логику сюжетосложения, способы построения образа героя, воспроизведения и осмысления того или иного жизненного характера, духовного содержания личности, ее нравственно-психологических состояний.

Эпистемологические процессы, обусловленные характерными для человека восточного типа культуры чертами отношения к миру, порождают сопоставительные (конъюнктивные) отношения, которые проявляются в стремлении личности к уступке, к отказу от сугубой субъектности – готовности принести в жертву личный интерес, объединив себя с другими посредством молитвы, подчинения старшим, смирения, послушания. Все эти формы объектности субъекта возводились в степень безусловно позитивных этических ценностей. Однако в художественном мире произведений татарских писателей 1-й трети XX в. обнаруживается их несостоятельность. Описанному культуропорождающему принципу противостоит другой, связанный с социальными и историческими условиями рубежа веков – распадом прежнего уклада жизни, переоценкой существующих морально-этических норм. В татарской национальной культуре начинают действовать логико-семантические отношения, разрушающие состояние согласованности, непротиворечивости, неразрывности. Описанная логико-смысловая программа концептуализирует универсальную оппозицию «мир – человек» в произведениях Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Ш.Камала, М.Гафури и проявляется в изображении процесса отчуждения человека: как социальное существо он выпадает из коллектива, как член родоплеменного союза человек в этом мире бесконечно одинок, как личность он отчуждается от своего «я», входит в противоречие с самим собой. По линии причастности / отверженности развиваются и взаимоотношения человека и природы.

Ситуация перехода от одной эпохи к другой, исторического обновления мира предстает таким его состоянием, как распад былого общественного единства, разрыв между природой и человеком, материей и духом, небом и землей и т. д. Писатели рисуют кризисное состояние современного им общества, социальных, нравственных, идейных его оснований и тот раскол, взаимное непонимание, которыми этот кризис сопровождается. Трагедия человеческой отъединенности обнаруживается ими в пределах обширного смыслового репертуара. Столкновение различных жизненных систем, социально-идеологических позиций формирует конфликт как структуру, сочетающую в себе эпические и драматические начала.

Процесс ломки вековых устоев национальной жизни разрывал естественные связи поколений, разделял единый национальный мир на отдельные социально-идеологические сферы. В изображаемой писателями исторической ситуации герои, принадлежащие к молодому поколению, вынуждены решать проблему самоопределения: подчиниться устоявшимся формам жизни, законам и традициям своей среды или обособиться от них, противостоять им, обрести духовную и нравственную независимость. В романе Г.Ибрагимова «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца», 1912) сыновья Джаляла-муллы выбирают второй путь. Зыя и Сабир предельно противоположны и в то же время уравнены как стороны распавшегося целого. Сквозь индивидуальные и типические различия, установленные между братьями, просматриваются универсальные оппозиции реального и идеального, материального и духовного, земного и небесного, разума и чувства. Принадлежность героев к двум полярным мирам обнаруживается в психологическом рисунке их характеров, в событийной линии романа, в мотивационной системе сюжета, в пространственных ракурсах произведения. Две противоположные «мировоззренческие установки» варьируются в жизненной позиции второстепенных персонажей романа. Благодаря сюжетному параллелизму два противоположных типа поведения и мироотношения выступают как характерные приметы эпохи, сообщающие изображаемому конфликту широту, многозначность и историческую симптоматичность.

В рассказе Г.Исхаки «Мансур» (1906) динамика переходного состояния жизни определяет своеобразие повествовательной формы произведения, вбирающего в себя индивидуально-психологическое и эпохальное, социально-историческое и философско-этическое содержание. Фрагментарность композиции – способ воссоздания дробности и разобщенности народно-национального бытия, дивергенции отдельных его сфер; прием, раскрывающий контрастность разных точек зрения на мир и человека.

Состояние человеческой отъединенности представлено татарскими писателями в различных его проявлениях и формах и одновременно в обобщении, как глубокая тенденция эпохи. На материале рассказа Ш.Камала «Сукбай» («Горемыка», 1910) выявляются принципы организации художественной формы произведения, определяемые эпическим взглядом на человека и его судьбу в эпоху глобальных исторических и культурных сдвигов. Эпическое восприятие мира, отлагающего свою суть в движении индивидуальных судеб, сближается с драматическим способом художественного изображения. Методом драматизации эпической формы на участках монологического и повествовательно-описательного характера становится введение подтекстовых конфликтов, которые вносят в настоящий момент действия уходящее в глубинные скрытые пласты сюжетного развития социально-историческое, религиозно-этическое содержание. «Объективный» стиль, повествовательные структуры, не предполагающие «личного» присутствия говорящего, взаимодействуют с тенденцией к экспрессивному, предельно драматизированному воспроизведению действительности, приобщающему читателя к сущностным коллизиям бытия. Сюжет, герои, масштабность и концентрированность признаков эмпирического мира,

пространственно-временные образы, пейзажные зарисовки обуславливают присутствие в тексте скрытых, иерархически расширяющихся символических планов, воплощающих некие абсолютные истины «конечных» сущностей человека, общества, истории.

Как особая форма отчуждения – обреченность на инобытие, жизнь за порогом жизни – осмыслено положение женщины, угнетенной старым укладом жизни, законами шариата и обычаями ислама, в рассказе Ф.Амирхана «Татаркызы» («Татарка», 1909). В изображении судьбы женщины-татарки писатель претендует на универсализм обобщений. Социально-бытовой план повествования осложняется и перебивается аллюзиями внесоциального значения, получает мистико-метафизическое освещение. «Погребение заживо» означает превращение в живую куклу, т. е. переход в особое состояние, промежуточное по отношению к жизни и смерти. В контексте двоимирия, преодоления границы между тем и этим светом, взаимопроникновения реального и фантастического планов данная образная формула наполняется не столько метафорическим, сколько эсхатологическим смыслом. Универсализации содержания рассказа способствует его художественный строй. В жанровом отношении произведение полигенетично: оно восходит не только к эпическим формам (очерку, притче), но и к лирическим, драматическим, публицистическим структурам, традициям дидактической литературы. С жанровой многосоставностью «Татарки» корреспондируют динамика авторской повествовательной манеры, эмоциональный колорит текста.

Татарские писатели начала XX в. увидели мир в динамическом и катастрофическом ракурсе: в радикальных сдвигах и разломах, в прорывах в область трансцендентного, утопической устремленности в будущее. В художественно-эстетическом аспекте такое самосознание реализовалось в установке на фрагментарность композиции, антитетичность как определяющее отношение создаваемого смыслового мира, соединение реалистической достоверности с условно-символической обобщенностью. Рост духовного самосознания личности и обострение ее противоречий со средой, обществом, миром предстает как закономерность современной жизни, определившая характер действия в произведениях этого периода, его напряженную динамику, насыщенность драматическими коллизиями, связанными между собой в целую систему. Но монологическая сосредоточенность героев на своих переживаниях, эмоциональном самосознании и самоопределении противопоставлена динамической конфликтной модели характера, активности событийных и диалогических рядов, определяющих специфику концепции драматического в произведениях русских писателей 2-й половины XIX в.

Противопоставление «своего» «чужому» делает познавательно актуальным то, что может лишь мыслиться, т. е. маркирует входящие в поле «своего» члены возникающих оппозиций: «указание на смысл» = не-повествование, отрицание конъюнкции = не дизъюнкция. Формирующееся при данном типе диалогических отношений мировоззрение оперирует парными понятиями и рас-

смаатривает их как контрастные друг другу, обладающие «семантическим» параллелизмом, вступающие в оппозиции, символическое противостояние и т. д.

Концептуальность «своего» слова о мире и человеке обеспечивается не только его противопоставленностью «чужому», но и полемической соотнесенностью с ним. В третьей главе диссертации «**“Свое”, полемизирующее с “чужим”**» выявляется концептуально-семиотическая природа второго типа диалогических отношений, который устанавливается между произведениями, принадлежащими разным национальным литературам, и характеризуется потенциальной аксиологичностью и рефлексивностью.

В разделе 3.1. «*Мотивационные структуры в прозе русских и татарских писателей*» доказывается, что центральной для русского реализма XIX в. проблеме детерминизма в произведениях татарских писателей соответствует представленность героев в их художественной безусловности. Антропоцентрическая модель мира, которая складывается в русской литературе XIX в., оспаривается представлением о том, что человек, каким бы ни был его социальный статус, в какую бы эпоху он ни жил, находится под прямым воздействием неких высших внеличных сил, определяющих его поступки. В центре внимания татарских прозаиков начала XX в. находится не столько личность в ее связях с обществом, средой, эпохой, культурной традицией, сколько статус личности, ее качества в ценностных морально-нравственных потенциях. Основная задача, которую решают Г.Исхаки, Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, Ш.Камал, Г.Рахим, заключается в поиске и доказательстве существования самого заслуживающего внимания факта; его интерпретация, раскрытие причин и следствий отступают на второй план и мыслятся как нечто, заданное описываемой действительности.

Писатели изображают мир, пронизанный универсальными отношениями, которые можно определить как «Я – Ты»³⁴. Но если в русской литературе «Ты» – это прежде всего другой человек, то в татарской «Ты» – это Природа. Встреча с Природой, Космосом в произведениях татарских писателей равнозначна решающей встрече человека с человеком в романах и повестях И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского. В сфере бытийно-космических отношений с природой герои Ф.Амирхана, Г.Исхаки, Ш.Камала, Г.Рахима и др. выпадают из причинно-следственного ряда обыденных действий и отношений. Последовательно проведенный параллелизм картин природы и душевного состояния человека основывается на «открытости» соположенных структур, их взаимопроникновении, «перетекаемости» друг в друга.

Стремясь постичь метафизическую сущность изображаемых явлений, раскрывающуюся в различных сюжетных ситуациях, татарские прозаики 1-й трети XX в. показывают, что действующие в человеке силы репрезентируют законы и ритмы национально-исторического бытия. На основе анализа произведений Г.Исхаки («Нищенка», «Халимэ туташ»), повести Ф.Амирхана «Хаят», рассказов Ш.Камала сделан вывод о том, что в татарской прозе 1-й трети XX в.

³⁴ Бубер М. Я и ты = Ich und Du. М., 1993. С. 42, 61.

формируется подход к человеку, при котором единичное, психологически конкретное в нем, индивидуально-неповторимые ситуации его жизни становятся формой выражения всеобщего, родового, «естественных» первооснов «народной души». Но существенной для реалистической поэтики иерархии типического и индивидуального здесь соответствует равнозначность этих двух аспектов образа.

В нарративном мире произведений русских и татарских писателей можно выделить два мотивировочных фактора – характер человека и его судьбу. Сложному взаимодействию контрадикторных мотивировок в романах И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского в прозе татарских авторов противопоставлено ограничение одного мотивировочного фактора другим. Представленный в диссертации аналитический материал свидетельствует о продуктивности в татарской прозе данного периода характерной для теологического детерминизма логики сюжетосложения. Смысловую фактуру романа Г.Ибрагимова «Молодые сердца» формирует древнейшая эсхатологическая коллизия – противостояние Бога и Дьявола, Света и Тьмы, Хаоса и Космоса. Сюжетные реалии произведения зачастую не поддаются логической и психологической мотивации и понятны лишь в соотнесенности с этой ситуацией. Художественный мир романа – это не мир исчезнувшей причинности. В нем царит закономерность, лежащая вне конкретного событийного ряда. В плане изображаемого мира сюжетный механизм, не зависящий от субъективных интенций героев, отображается как предопределенность, судьба. Телеологическая заданность событийного содержания тематизируется, превращаясь из предпосылки изображения в изображаемый предмет. Вмешательство внешних роковых сил в судьбу героев наиболее очевидно в переломные моменты их жизни. Одна из таких ситуаций – прохождение комиссии новобранцами, воспринимаемое героями романа как переход через «адов мост». Единоборство Добра и Зла, в котором люди пассивны и играют подчиненную роль, превращается в универсальный закон не только человеческой истории, но и космического миропорядка.

В романе действует и «художественная» (В.Шмид) мотивировка. Реализацией полисемантической метафоры «солнечного затмения», помрачением сознания, активизацией архаически-бессознательной сферы психики и причастностью героев темным сторонам бытия могут быть объяснены непредсказуемые по своим последствиям события. Нарушая законы психологической детерминации, человек бессознательно отдается во власть деструктивно-негативного двойника. Преобразование тропа в сюжет приводит в движение, «оживляет» апокалиптический динамизм деяний персонажей, подготавливая наступление эсхатологического финала.

В сюжете романа тьма уничтожает свет. Торжество хаоса над гармонией преобразует циклический сюжет в линейную последовательность эпизодов, организуемых по принципу нарастающей напряженности. В этом контексте событие смерти героя и следующая за сценой похорон картина, воспроизводящая апокалиптический натиск стихий, уподобляются кумулятивной катаст-

рофе. Символично-метафорический план повествования уравнивает соположенные явления: индивидуально-психологическое и космически-универсальное, конкретные социально-исторические, бытовые реалии и закономерности глобального, вселенского порядка.

В целом ряде произведений татарских писателей 1-й трети XX в. (Ф.Амирхана, Ш.Ахмадиева, Ш.Камала, Г.Рахима А.Тангатарова и др.) формируется картина мира, в которой не существует рубежа, разделяющего причинную и следственную области. Яркий пример – рассказ Ф.Амирхана «Бер хэрабэдэ...» («Среди развалин...», 1913), семантическое развертывание которого демонстрирует негативный вариант каузальных отношений. Произошедшие метаморфозы в жизни героев не получают никакого объяснения. Преувеличения, контрасты, соединение в художественном строе произведения реального и условного, метафоризация структурно-семантической трансформации топоса усадьбы, звуковые и цветовые лейтмотивы, формируя глубинный отвлеченно-метафизический пласт текста, служат средством художественного обобщения: в эмпирическом содержании образов и сюжета обнаруживается символический потенциал.

Контекст татарской прозы 1-й трети XX в. актуализирует в ключевых текстах русской национальной культуры: «Евгении Онегине» А.С.Пушкина, «Герое нашего времени» М.Ю.Лермонтова, «Обломове» И.А.Гончарова, романах Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого – во-первых, гносеологическое пространство, связанное с вопросами познания и выражения различных форм детерминаций; во-вторых, «сочинительные» связи, которые устанавливаются между множеством противоречивых и разнокачественных воздействий, образующих равнодействующую поведения. Категория сверхъестественного, которая входит в кругозор русских реалистов-классиков, различные формы постижения запредельных реальностей, встречающиеся в произведениях Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, предполагают и условно-поэтическое, и субстанциональное прочтение, создавая вероятностно-множественную модель мира.

В творческом методе татарских авторов отчетливей эксплицированы те моменты, которые в свернутом виде присутствуют в текстах русских реалистов XIX в. и представляют собой отношения смысловых пределов и возможных языков (прямого называния предметов, условно-поэтического изображения, «мифологического» слова). Но в произведениях Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Ш.Камала трансцендентный мир требует не просто условно-поэтического, но субстанционального понимания. Мотивировочные категории, принадлежащие разным смысловым рядам и находящиеся в русском классическом романе в драматическом единстве и взаимодействии, в творчестве данных авторов освобождены для самостоятельного существования и поставлены в подчинительные отношения.

Тот тип целостности, который возникает в татарской прозе 1-й трети XX в., предполагает взаимообусловленность трансцендентного и субстанционального и оказывается полемичным по отношению к порождающему принципу класси-

ческого русского романа XIX в. Архитектоника межсубъектных отношений выстраивается следующим образом: с интенцией «иносказательных сверхсмыслов» соотносится трансцендентное, стремящееся обрести субстанциальность; действие причинно-следственной логики сопоставляется с провиденциально-вероятностными совпадениями и отношениями.

Цель раздела 3.2. – сопоставить *особенности организации субъектной сферы* в русском реализме XIX в. и в произведениях татарских писателей 1-й трети XX в.

Отличительные черты субъектной архитектоники произведений татарских писателей – отсутствие принципиальных границ между героем и автором, слитность субъекта и объекта изображения – полемически соотнесены с «субъект-объектными» и «субъект-субъектными» отношениями, определяющими позицию автора и статус героя в произведениях русских писателей 2-й половины XIX в.

В татарской прозе формируются такие субъектные формы, основой которых становится не аналитическое различие «я» и «другого», а «нераздельность и неслиянность» (С.Н.Бройтман) автора и героя, некая межсубъектная по своей природе целостность. Формы авторского и персонажного присутствия не являются иерархически разграниченными, они тесно взаимосвязаны и направлены к созданию органически стянутого внутри себя повествования как концептуального самораскрытия и самоосмысления происходящего. Подобная архитектоника эстетического объекта обусловлена особенностями развития личного начала³⁵, характером соотношения субъектных сфер «я» и «другого», автора и героя в татарской литературе указанного периода. Если использовать категории «личного» и «общего», то следует признать, что между героем и автором возникает некоторая близость на фоне общего – близость в области психологического пространства, которое принадлежит «я» и «другому» в той мере, в какой они одинаково причастны Богу и миру. Между явлениями разных смысловых рядов устанавливается экзистенциальный принцип «взаимопроникновения». Внежизненная активность, вне которой авторство невозможно, понимается в татарской культуре данного периода иначе, чем в русской. Точка зрения, необходимая для оформления материала, обусловлена морально-этической целью, которую преследует писатель, и адекватна ей. Эта цель сращена с эстетическим объектом: она совпадает с композицией произведения, подвергается действию закономерностей вертикально-горизонтального складывания смысла целого, передающего, «кодирующего» ее бытие.

Слияние и взаимопроникновение субъектных планов автора и героя, их ценностных кругозоров проявляется в произведениях Ф.Амирхана, Ф.Валиева, Г.Ибрагимова, Г.Рахима, А.Тангатарова, М.Ханафи в разных формах. Важной композиционной особенностью рассказа Ф.Амирхана «Танымаганлыктан та-

³⁵ «“Чувство личности” в татарской литературе не было выражено столь остро, как в русской литературе, и имело несколько иное содержание: оно чаще всего выступало как чувство общности личности и нации, личности и народа» (Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань, 1970. С. 55).

ныштык» («Знали бы – не знакомились», 1909) является наличие образа повествователя, воспринимающее сознание которого – предмет изображения, критерий авторской оценки действительности, средство выражения авторской позиции. В рассказе Ф.Амирхана «Кадерле минутлар» («Счастливые минуты», 1912) герой предстает как субъект повествования и одновременно как его объект – персонаж, выявленный в своем личностном качестве. Универсальное и художественно ценностное обоснование им того, что смысл жизни, ее конечная цель и оправдание – в любви, что любовь – нечто непререкаемо высокое, формирует повествовательную ситуацию в произведении, определяя «схождение» голоса рассказчика с токами авторского слова, вхождение точки зрения героя в поле авторской позиции.

К лирико-философской медитации по своей смысловой и субъектной структуре тяготеет рассказ Г.Ибрагимова «... Мәрхүмнең дәфтәрәннән» («Из тетради покойного», 1914). Впечатление тождества позиций автора и героя-повествователя, которое создает форма личного повествования, – это не художественная иллюзия. Как и во многих произведениях татарских писателей этого периода (Ф.Амирхана, Ш.Ахмадеева, Г.Рахима, А.Тангатарова), мы имеем дело с открытой формой авторского присутствия. Сблизить кругозор героя, его мышление и переживания с авторским сознанием позволяют историко-философская емкость поднятых в рассказе проблем, открытая, ничем не стесненная исповедальность текста, проникновенная интимность интонации, ценностно-смысловая бесспорность приводимых суждений.

В рассказе Ш.Ахмадеева «Шагыйрь моңая» («Поэт грустит», 1913) душевное состояние героя выражается через стиль авторского повествования. Широко используются приемы субъективно-лирического письма, являющиеся признаком эмоционального отождествления автора со своим героем. Один из них – ритмическая организация текста с четкой урегулированностью этапов развертывания темы, их разграниченностью и вместе с тем объединенностью единством лирического тона. Герой переживает напряженно-существенный момент душевной жизни, но переживает его на уровне художественной типичности и экспрессивности. В произведении совмещаются два способа моделирования действительности, порождающие лирический тип образности: ее конкретно-чувственное восприятие и истолкование и абстрагирование – воссоздание писателем в символично-аллегорической форме своих представлений о мире.

Сближение субъектных планов автора и героя обнаруживается в таких формах воспроизведения внутренней жизни персонажа, как психологическое описание и повествование с отчетливо выраженной тенденцией передать предметно-тематическое содержание психологического процесса. В творчестве Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Ш.Камала появляется прием психологизма, тяготеющий к потоку сознания. Причастность автора к внутреннему миру героя, его мыслям и чувствам репрезентируется и такой формой моделирования сферы персонажа-субъекта, как «замещенная прямая речь» (В.Н.Волошинов). Выделенные на материале рассказа Ф.Валиева «Көймәдә» («В лодке», 1918)

принципы и способы приближения к «внутренней» точке зрения персонажа характерны для художественного метода Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Г.Рахима. Возникающая при этом система «сообщающихся» субъектных сфер приводит к разрыву эпической ткани повествования и формированию лирических структур. Мощная стихия лиризма обуславливает выход за пределы эмпирического содержания образов и сюжета, порождает расширение и углубление их смысла, поддерживая и усиливая обобщенно-иносказательную тенденцию, действующую в художественном мире произведений.

Способы создания интегрального образа героя, который не имеет отчетливых пределов, отделяющих его от автора, в прозе Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Ш.Ахмадеева, Ф.Валиева образуют конфликтно-диалогические связи с принципами и приемами изображения объективированных персонажей, обладающих индивидуальным характером, наделенных самостоятельностью и авторитетностью в романах И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского. С божественной интенцией, присутствующей в авторе-творце, демиурге созданного мира, коррелирует наличие в тексте некоего предзаданного знания. Оно формирует структурно-явленный план произведения и раскрывается в напряженно-экзистенциальном ракурсе. Русские реалисты XIX в. ищут истину в событиях взаимодействия сознаний. В татарской прозе 1-й трети XX в. она – предмет интериоризации, снимающей параллелизм духовно-жизненных ситуаций повествователя, героя, читателя и представляющей собой одну из форм их взаимоотношений в ценностно-смысловой плоскости.

Различия в организации субъектного пространства приводят к разным жанрово-стилистическим решениям. Сопоставительный анализ произведений русских и татарских писателей выявляет доминирование в русском романе 2-й половины XIX в. эпико-драматической тенденции, объективно-пластических форм воспроизведения жизни. Субъективное мировосприятие героев, выступающее в татарской прозе 1-й трети XX в. как структурообразующий принцип, способствует лирической ориентации повествования. Обусловленная ею система конструктивных признаков: не «объективное», а «субъективное», мотивированное направлением духовной жизни героя воспроизведение внешних обстоятельств; развитие действия, подчиненное «лирическому членению» (Н.Т.Рымарь), в котором находит выражение внутренний мир человека; эмоциональная насыщенность ритма, проявляющего себя в разворачивании произведения как целого и на всех его уровнях: в композиции, сюжете, обрисовке действующих лиц, в строении фраз, – полемически противопоставлена изображению мира в соответствии с «объективной» логикой его движения, напряженно-конфликтным, исполненным драматизма положениям, повышенной роли поступков персонажей и столкновений между ними в развитии сюжета, взаимодействию самосознания и поведения, концентрической организации действия и другим чертам поэтики романов И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого. Конфликтная контрастность существует между установкой на самораскрытие воссоздаваемых явлений, эпической функцией изобразительной фактуры текста, психологических мотивов, активным использованием

диалогической формы как средства характеристики самосознания, этико-идеологической позиции персонажа – с одной стороны, и преобладанием монологических композиционно-речевых структур, максимальной выразительностью словесной формы, распредмечивающей реальность и превращающей ее во внутреннюю реальность духа; не обнаруживаемой во внешнем общении, житейских отношениях героев духовной избыточностью, неиндивидуализированностью реакций персонажей, выходящих за пределы их характеров, решающей ролью в постижении и оценке происходящего поэтического слова, насыщенного символическими смыслами, – с другой.

Данная система диалогических отношений проблематизирует доминирующие в произведениях русских и татарских писателей мотивировочные категории, субъектные структуры не только в пространстве читательского восприятия, но и в пределах художественного высказывания, становясь источником возникающих в нем эстетически значимых смыслов. Учет этого типа диалогических отношений приводит к существенному уточнению и более глубокому пониманию процесса формирования «рамки»³⁶ актуальных для исследуемого периода в истории национальной литературы претекстов, механизмов их включения в семантическую структуру текста, участия в создании его целостного смысла.

В историко-литературных ситуациях, когда возникает необходимость пересмотреть привычный взгляд на мир, устоявшиеся правила и нормы, происходят поиски новых художественных средств и приемов, актуализируется следующий тип диалогических отношений: **«“свое” как переструктурированное “чужое”»**. Его исследованию посвящена **четвертая глава** диссертации.

В разделе 4.1. *«Жанрово-психологическая трактовка человека в произведениях Г.Исхаки и Ф.Амирхана»* на материале произведений Г.Исхаки, «Теләнче кызы» («Нищенка»), «Тормышмы бу?» («Жизнь ли это?», 1909), «Остазбикә» («Супруга муллы», 1914–1915), Ф.Амирхана «Бэйрәмнәр» («Праздники», 1908), «Хэят» («Хаят», 1911), «Сүнгәч» («Когда погасло пламя», 1916) рассматриваются аналитические способы и приемы психологизма, получившие развитие в татарской прозе начала XX в.

Основным методом художественно-психологического познания в творчестве Г.Исхаки и Ф.Амирхана становится интроспекция персонажей. Внимание писателей сосредоточено на самосознании героев, их моральной рефлексии, духовном самоопределении.

Г.Исхаки интересуется духовный мир человека, вступающего в конфликт с нормами и обычаями своей среды, устремленного к общенародным и общечеловеческим ценностям, способного к социально-идеологическому новаторству. Этим обусловлены и художественно-содержательные особенности произведений писателя, вбирающие в себя романную проблематику и синтезирую-

³⁶ Понятие, которое вводится рядом исследователей для определения «интертекстуальных координат» текста, его места в литературном процессе. Такой подход позволяет рассматривать многочисленные подтексты не как перечень, а как систему доказательных отсылок (*Козицкая Е.А.* Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте: пособие по спецкурсу. Тверь, 1999. С. 117).

щие принципы типизации, свойственные эпическому и лирическому родам литературы.

Г.Исхаки, как и Толстой, воссоздает историю духовного становления личности, путь ее нравственно-психологического движения. Проходя через испытания, герои романа «Нищенка» реализуют широкий спектр возможностей душевного роста, «восхождения», обладающего своей «телеологией» (путь Сагадат), или, напротив, «падения», возвращения к исходной точке, движения по кругу (биография Габдуллы). Нравственная эволюция Сагадат проявляется в развитии в ней «личностного начала»: долгое время оно растворялось во всеобщем (народном, национальном), в конце романа «я» героини «вбирает» в себя эпоху, время, культуру. Переход от индивидуального обособления к сопряжению с целым, пониманию потребностей народно-национальной жизни предстает как долгий, исполненный обретений и разочарований процесс. Душевные страдания, выпавшие на долю Сагадат, качественно меняют масштаб видения и ощущения себя и мира, переводят ее в экзистенциально-событийное пространство, в котором цели и содержание жизни определяются реакцией на противоречия общественной действительности и задаются внутренними стремлениями и потребностями натуры.

В повести «Жизнь ли это?» постепенный внутренний рост героя-рассказчика происходит под влиянием двух факторов – самоанализа и самопознания, с одной стороны; расширения кругозора личности через сближение с народным и природно-космическим бытием и проникновение его началами – с другой. Повествование ведется от первого лица и носит однородный, монологический характер. Внутренняя жизнь человека изображается как непрерывная психологическая ассимиляция жизненного опыта. Главное место в композиции образа героя занимает психологический самоанализ, сосредоточенный на раскрытии конфликта между естественными желаниями и доводами рассудка, сковавшими волю.

Подчиняя психологический анализ эпической цели, Г.Исхаки выявляет в человеке внутренние силы, способные согласовать его личные интересы со всеобщими потребностями. В повести «Остазбикэ» писатель сосредоточен на анализе психологического комплекса, порожденного ситуацией выбора, перед которым оказывается супруга муллы Сагида. В непрерывно совершающейся борьбе с преобладанием то одной, то другой стихии происходит морально-психологическое самоопределение личности. Сагида обретает внутреннюю свободу – выполняет веления нравственного чувства, жертвуя личным счастьем. Писатель изображает те внутренние процессы и состояния личности, которые связаны с ее устремленностью к безусловным ценностям, актуальным на всех этапах развития культуры: они создают опору для поиска и дают критерии выбора.

Ф.Амирхан близок Л.Н.Толстому некоторыми аспектами своей художественной антропологии, проявившейся в повестях «Хаят», «Когда погасло пламя», романе «На перепутье» и других произведениях. Новое качественное выражение психологического анализа в творчестве татарского прозаика опреде-

ляется представлением о том, что психология человека доступна пониманию, а его поступки – объяснению. Психологический анализ в повести «Хаят» и в рассказе «Праздники», обращенный к личности, которая оказалась перед выбором между двумя типами жизни – старой и новой, и ориентированный на актуальную для того времени социально-психологическую проблему, является и средством выявления индивидуального склада души, и способом социальной типизации образов.

Иную задачу решает Ф.Амирхан в повести «Когда погасло пламя», в рефлексивно-исповедальной форме раскрывая историю постепенно уходящей любви. С аналитическими способами описания внутренних переживаний героя, его эмоциональных состояний, приемами построения медитаций связано, с одной стороны, осуществление в художественном мире произведения элегичности как предельной внутренней сконцентрированности и самоуглубленности «я». С другой стороны, дистанцирование, комментирование действий и состояний (своих и чужих), попытка их объяснения, снимают элегичность, переводя ее в иную эмоционально-ценностную ориентацию.

Следование традициям русской литературы проявилось в обращении Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Ф.Амирхана и др. к такому приему психологического анализа, как разные типы внутренних монологов. В русской литературе внутренний монолог функционирует как индивидуальная концепция самоопределения и самораскрытия персонажа. Как и в романах Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева («Дым», «Новь»), внутренние монологи героев татарских писателей приобретают диалогическую форму. Они передают разорванность сознания героя, акцентируют в душевной деятельности персонажа процессуальный и ценностный смысл, отражают видение и оценку содержания собственного сознания. Диалогизированная внутренняя речь, позволяющая показать душевную жизнь человека в ее трагических конфликтах и противоречиях, драматизируют эпический текст, заряжая его энергией напряженного переживания царшей в мире дисгармонии.

Интерес к душевной драме личности, ее нравственным исканиям, диалектике внутренних конфликтов сближает русских и татарских писателей. Интерпретация психических структур, эмоций и переживаний дается в сопоставляемых произведениях в экзистенциальном ключе и «подчиняется» философско-этической и социально-психологической проблематике. Но если раздвоенность героев Достоевского или Толстого является прежде всего следствием неоднородности самой их природной сущности, то двойственность персонажей татарских авторов порождена кризисным состоянием современной им действительности (Ф.Амирхан «Хаят», Г.Исхаки «Жизнь ли это?») или неразрешимыми противоречиями бытия, универсальными коллизиями жизни и смерти (Ф.Амирхан «Когда погасло пламя»), любви и измены, вины и прощения (Г.Исхаки «Нищенка»), счастья и долга (Г.Исхаки «Супруга муллы»).

Используемые татарскими писателями принципы и приемы аналитического объяснения психологических процессов и состояний выявляют особые качества человека, вновь и вновь оказывающегося в ситуации выбора, живущего в

мире, где нет ничего предрешенного раз и навсегда, нет запрограммированного неизменного хода бытия. Таким образом, актуализируется культура поиска, выводящая себя за свои собственные пределы, культура открытых возможностей.

В разделе 4.2. «*Рефлектирующий герой Г.Ибрагимова: пути самосознания*» определяются функции аналитических приемов психологизма в прозе Г.Ибрагимова. В рассказе «Сюю – сэгэдэт» («Любить – это счастье», 1911) аналитико-синтетический склад мысли субъекта речи отражается в системе со- и противопоставлений: прошлое – настоящее, молодость – старость, память – забвение, устойчивое – изменчивое, временное – вечное, человек – природа. Из настоящего герой переносится в прошлое, переживая его сейчас, в данный момент, «изнутри» и создавая иллюзию непосредственно запечатленных эмоций, мгновенно вспыхнувших душевных движений. Но в стихийном течении чувств выделяется созерцающий их субъект; в изображаемом душевном потоке угадывается потаенно расчленяющий его ход сознания. Возвращение к непосредственным переживаниям, попытка их рационального осмысления помогают обрести сокровенное знание о смысле жизни, о счастье, роли времени в индивидуальной судьбе, о преодолении его неотвратимости в памяти. Прошлое и настоящее в произведении Г.Ибрагимова иномирны по отношению друг к другу, но эти иномирные позиции и смыслы, оставаясь таковыми, совмещены в рамках фиксированной точки зрения, которая несет в себе дополняющие друг друга противоположности.

В рассказе «Дингездэ» («На море», 1911) рефлектирующий герой осознает себя принадлежащим двум мирам – реальному и идеальному, материальному и духовному. Эти категории становятся критериями самопознания, опорными точками для эмоционально-ценностной ориентации во вселенной. Взгляд героя на мир не признак его социально-психологической типичности, а выражение причастности к духовной традиции, значимой для всей национально-исторической жизни. Основой повествования в рассказе является многостороннее взаимодействие внешнего и внутреннего, понимаемое писателем динамически – как взаимопроникновение разнородных сфер бытия и состояний сознания, их противостояние друг другу, обнаружение амбивалентности, объединение. Движение к целостному образу мира осуществляется путем не отрицания одного из полюсов, а их сопоставления, наложения друг на друга, взаимодополнения.

В произведении реализуются заключенные в типе повествования от первого лица возможности психологической интроспекции – описание фактов внутренней жизни, их комментирование, свободное выражение мыслей и впечатлений, объяснение смены одних настроений другими. Душевные переживания, изображаемые со всей осязаемой конкретностью, несут на себе отпечаток мгновения. Но, наделенные свойством многократной повторяемости и отражающие в себе целостное и законченное мироотношение, они знаменуют этап духовного развития героя. Событийно-психологические реальности сюжета, имеющие глубокий лирико-символический подтекст, приобретают универ-

сально-философское значение. Один эпизод из жизни героя предстает как олицетворение судьбы человека в мире.

В рассказе «Уты сунгән жәһәннәм» («Угасший ад», 1911) герой изображается в двух измерениях: в его социально-исторической и психологической конкретности и в универсально-родовой сущности. Зафиксировав разрыв между внутренними потенциальными возможностями человека и их реализацией, писатель ставит вопрос о духовном самоопределении личности, свободе и предопределенности ее судьбы, ответственности за свои поступки и выбор жизненного пути. Эти проблемы решаются целиком изнутри сознания персонажа, в его кругозоре и на его языке. Духовный кризис, переживаемый героем, получает в рассказе глубокое философско-психологическое истолкование. Кардинальная особенность реалистической характерологии, проявившаяся в произведении, – многогранная и разнокачественная обусловленность поведения и судьбы героя – сближает используемые Г.Ибрагимовым принципы художественного освоения действительности с творческим методом русских писателей XIX в. Но в рассказе «Угасший ад» не показано взаимодействие внутренних сил человеческой души с внешним миром. Разномасштабные и несоизмеримые детерминанты объединяются только в поле сознания субъекта речи – героя-рассказчика, отражая сложный и противоречивый процесс его самопознания.

Аналитизм, имеющий по преимуществу рационалистическую основу, взаимодействует с синтетическими методами раскрытия внутреннего мира человека: обобщенно-целостным изображением основных стадий духовного пути; кратким «суммарным» обозначением эмоциональных состояний (смятение, тревога, ужас, отчаяние, безнадежность); с хронотопическими способами психологизма (душевную драму героя репрезентируют оппозиции верха и низа, дня и ночи, прошлого и будущего, высоты и глубины); обращением к пейзажу для передачи переживаний, настроений персонажа и специфики его восприятия мира, образам и мотивам, имеющим символический подтекст (гроза, гром, дождь, солнце, соловей), лейтмотивным психологическим характеристикам (устремленность в небеса, падение в бездну, пробуждение, гибель души). С помощью разных типов психологизма писатель высвечивает в образе героя «метафизическую» основу, связанную с онтологическими проблемами человеческого существования, трагедией утраты смысла жизни.

Рефлектирующие герои Г.Ибрагимова в таких своих качествах, как готовность размышлять о философских основаниях мира, смысле индивидуального существования, способность к самоанализу и самопознанию, умение давать нравственную оценку ситуации и своим душевным движениям, поступкам, преобладание центростремительного начала, порождающего богатство интеллектуальной и эмоциональной жизни, близки персонажам М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и акцентируют в них устойчивые, повторяющиеся, «архетипические» черты.

Раскрывая трагические противоречия жизни и сознания людей, татарский прозаик вслед за русскими писателями обращается к таким способам и прие-

мам психологизма, как рационализация психологического процесса, представляющая внутренний мир человека через его самоанализ и самораскрытие, воспроизведение потока душевной жизни, тяготеющее к исповедальности, изображение мирозерцательных реакций на действительность как формы нравственно-философских исканий, моментов самоуглубления и самопознания, рождающих новое отношение к миру.

В эстетике и миропонимании татарских писателей обнаруживаются точки соприкосновения с литературно-психологическим опытом Ф.М.Достоевского. В разделе 4.3. «Код “сверхчеловека” в повести Г.Рахима “Идель”» дается характеристика психологических мотивов поведения предельно сложной и противоречивой личности героя. Трагическая раздвоенность его сознания выражена в отношении к любви и счастью. Разрыв с возлюбленной наступает как логический результат внутренних идейно-философских исканий Ильяс, осознающего конечность конкретного человеческого чувства и видящего спасение от страданий в отказе от любви. Немаловажное значение в объяснении случившегося имеют социально-политические причины. Высокая и катастрофическая напряженность борьбы двух противоположных начал: духовного и материального – в драматическом действии повести оказалась созвучной трагическому содержанию самой эпохи периода войн и революций. Наконец, решение Ильяс подготовлено герметически-мистическим дискурсом и визионерскими состояниями, которые сопровождаются выходом за пределы реального пространства и времени и приобщением к потустороннему, трансцендентному бытию, изменяющим мировоззрение, поведение и судьбу персонажа.

Экзистенциальное мироощущение героя реализуется в двух планах: логико-дискурсивном и метафорически-образном. Образы снов и видений дополняются риторикой сомнений и негативности. В центре высказываний Ильяс находятся понятия, обозначаемые как «Ничто», «Иллюзия», «Обман», «Пустота», «Холодность». Они противостоят «Бытию», «Любви», «Творчеству», «Счастью» и предполагают отрицание всех позитивных качеств, которые относятся к ценности имманентного мира.

Г.Рахим, подобно М.Ю.Лермонтову, И.С.Тургеневу и Ф.М.Достоевскому, остро и масштабно ставит проблему смысла жизни и самоопределения человека в мире в неразрывной связи с проблемой свободной воли, ее целенаправленности и морально-психологических границ. Герои-индивидуалисты (Печорин, Ставрогин и др.) мыслят себя самодостаточными и замыкаются в своем принципиальном одиночестве. Этому же принципа обособленного существования придерживается и Ильяс, стремящийся к независимости от мира и людей, избегающий дружбы и любви, считающий высшей ценностью бытия ничем не ограниченную свободу. Но, в отличие от своих предшественников, жаждущих индивидуалистического превосходства над людьми и в то же время находящихся в мучительной зависимости от них и своей собственной природы, заполняющих духовный вакуум за счет чужого бытия, герой Г.Рахима постигает высший смысл свободы – освобождается от рабства плоти, негативных социальных влияний и обретает внутреннюю гармонию.

Герой Г.Рахима обладает социально-исторической и психологической конкретностью, но в логике его поведения, психологии, судьбе актуализирован «код» таких героев русской литературы, для которых характерны индивидуализм, возникающий из потребности самоутверждения и свободы, нигилистическое сознание, психологическая и моральная раздвоенность, гордое возвеличивание своего «я». Контекст иной литературы выявляет не однотипность героев М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и др., но их гомогенность, принадлежность к одному смысловому ряду, вычлняя общие черты, по-разному, в разной степени проявляющиеся у них и определяющие внутреннюю структуру их образов.

Итак, в татарской литературе начала XX в. формируется психологизм как стилевая доминанта, эстетическое образование, определяющее художественное своеобразие произведений и подчиняющее себе строение всей художественной формы, перекликающийся с психологизмом Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского и имеющий свои национальные истоки. Создавая эффект сопряженности вступающих в диалог текстов, принципы и приемы психологического анализа, используемые писателями, представляющими разные национальные культуры, выявляют логику и механизмы межлитературной связи, роль инонациональных художественных ценностей в историко-литературном процессе воспринимающей стороны и внутренний потенциал самого воспринимаемого явления с точки зрения его стимулирующего воздействия за пределами отечественного контекста.

Данный вид диалогических отношений осуществляет своеобразное взаимоналожение семантических полей «своего» и «чужого» художественно-эстетического опыта. «Чужая» словесная позиция, трансформируясь в «иную», становится одним из кодов в данной художественной системе, без знания которого невозможно ее адекватное восприятие и понимание. Чужая / иная словесная практика (разработанные русскими писателями способы и формы психологического изображения) выступает как план выражения для нового содержания – внутреннего мира человека, принадлежащего иному типу культуры. Возникающие при этом добавочные ассоциации увеличивают семантическую емкость «исходных», осваиваемых моделей и структур. Контекст иной литературы раскрывает их архетипичность, способность породить новые смыслы.

В пятой главе диссертации «**“Свое”, сходное с “чужим”**» представлен сопоставительный анализ синтетических форм и методов психологического изображения в произведениях русских и татарских прозаиков. Диалогическая система, создаваемая по модели «**“свое”, сходное с “чужим”**», позволяет установить черты эстетического сходства в сопоставляемых явлениях. Но сходное по функциям не всегда оказывается таковым по своей сути, истокам, внутренней природе. Раздел 5.1. *«Художественная феноменология эмоциональной жизни в произведениях русских и татарских писателей»* начинается с рассмотрения факторов, определяющих своеобразие психологизма в татарской литературе 1-й трети XX в. Особое место в системе принципов и приемов изображения

внутреннего мира человека в произведениях Ф.Амирхана, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова, Г.Рахима и др. занимают обобщенные обозначения эмоций.

Художественно-эстетические особенности данной формы психологизма демонстрируются в диссертации на материале рассказа Г.Рахима «Эч пошканда» («Когда грустно», 1913 г.). Художественная установка на воссоздание полноты и целостности переживания предполагает образование единого лирического потока, в основе которого – взаимодействие нескольких микротем и соответствующих им ритмических моделей. Отвлеченное эмоциональное понятие, вынесенное в заголовок, получает образно-конкретное определение. Мотив тоски связывается с темами одиночества, безнадежности, безотрадности существования. Одиночество приобретает тотальный характер и выходит за пределы любых частных мотивировок: объективных и субъективных, социально-психологических и бытовых.

Конфликт героя с действительностью протекает в форме активного неприятия тех законов, по которым складывается жизнь. Сгущенно-драматическая, взвинченная, напряженная эмоциональность переводит социальную коллизию на уровень экзистенциального противостояния героя миру. Эту же функцию выполняют и пейзажные зарисовки: «переключают» социальный конфликт в абстрактно-философский план. Не отвлекаясь от единичной конкретности своего образного воплощения, мотив тоски приобретает универсально-философский смысл и характеризуется взаимопереходностью неповторимого и безгранично общего, мгновенного и вечного, случайного и непреходящего.

Установлено, что обобщенно-символические формы отражения отдельных душевных состояний, широко представленные в татарской прозе 1-й трети XX в., коррелируют с принципами и приемами психологизма И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова. В произведениях русских и татарских писателей обнаруживается общая, интегрирующая их тенденция – активизация стилистических показателей, соответствующих лирическому роду литературы. К ним относятся несущая в себе стихию субъективности эмоциональная экспрессивность речи, ее темповая и ритмическая организация, разнообразные формы субъективированного повествования. Усилению лирической тенденции способствует и сюжетно-композиционный моноцентризм повествования – сосредоточенность на одном психологическом состоянии, «приглушенность» всех других переживаний.

Но истоки синтетических методов психологического изображения в русской и татарской литературах различны. В творчестве русских писателей они восходят к романтической концепции личности как загадочной, таинственной и непостижимой в своей субстанциальной основе. В творчестве татарских прозаиков обобщенные обозначения эмоций связаны с категориями «явного» («захир») и «скрытого» («батин»), которые отражают онтологические, гносеологические и эстетические основы бытия в арабо-мусульманской культуре. Взаимно-однозначные соответствия и взаимопереходы их друг в друга мотивируют принципы построения художественного образа, его внешние и внутренние границы.

В разделе 5.2. «Пространственно-временная организация текста как форма психологизма в русской и татарской прозе» исследуются пространственно-временные отношения, запечатленные в тексте и выполняющие в произведениях русских и татарских писателей сходную психологическую функцию. В татарской литературе 1-й трети XX в. выделены две основные тенденции в использовании фундаментальных для структурирования общей картины мира соотношений внешнего / внутреннего, центра / периферии, верха / низа, далекого / близкого, замкнутого / разомкнутого, живого / мертвого, дневного / ночного, света / тьмы и т. д. Первая тенденция характеризуется тем, что пространственно-временные системы, создаваемые в произведении, представляют собой по преимуществу типологические модели, опредмечивающие социально-психологические, духовно-нравственные и национальные черты характера.

Взаимоотражение и взаимопроникновение индивидуального и типического, единичного и единого эксплицировано в пространственно-временных образах и моделях повести Ф.Амирхана «Хаят». Несовместимость существующих законов и форм общественной жизни с природой человека выражена в оппозиции дома и дороги, подчеркивающей однозначный и абсолютный характер этого противостояния. Эту же функцию выполняют топологические оппозиции «пустоты – заполненности», «устремленности – замкнутости», которые выражают эмоциональное состояние Хаят, порожденное противоречиями между ее идеальными устремлениями и конкретной жизненной практикой.

Иерархию общего и единичного снимает оппозиция пространственной горизонтали (улитка) и вертикальной оси (ласточка, соловей). В антиномии «улитка – ласточка» акцентируются социально-типические черты татарских девушек. Судьба Хаят – трагическая реализация возможностей, заключенных в этой символической антитезе. Хаят остается «улиткой с душой ласточки», подчиняясь общепринятым нормам. Этот образ указывает на уникальную исключительность того, что вместе с тем является и элементом общего ряда.

Пространственно-временные образы и модели в повести «Хаят» воплощают трагическую концепцию национального бытия и отдельной человеческой судьбы. Индивидуально-неповторимое переходит во всеобщее, универсальное приводит к исключительному. Эта диалектика смыслов обусловлена своеобразием заключенных в характере героини обобщений и особенностями мотивирующего этот характер конфликта.

Пространственно-временные образы, возникающие в романе Г.Исхаки «Нищенка», организуют соотношение реального, мифологического и символического планов, воздействуют на изобразительный, повествовательный и стилевой ряд. На уровне сознания героини происходит «двоение» сюжетного действия: оно приобретает иноказательный смысл. Писатель выстраивает параллельность миров: сна и яви, сознательного и бессознательного, прошлого и настоящего, мечты и действительности, что способствует символизации и мифологизации текста. Перемещение Сагадат из одного пространства в другое имеет реалистическую социально-бытовую и психологическую мотивировку. Но логика реального повествования коррелирует с последовательностью со-

бытий, характерной для мифологического цикла гибели / воскресения. Пространственно-временные образы организуют в романе многоаспектную смысловую перспективу, осложняясь метафорическими значениями ада и рая, падения в бездну и воскресения из мертвых.

Судьбу Сагадат меняет перемещение из одного пространства в другое. Эти переходы отмечаются автором как этапы духовных поисков, смена одних идеалов другими, ступени познания действительности и постижения собственного бытия. Появление в финале романа хронотопа дороги указывает на духовную эволюцию героини. Перемещение в пространстве, совершаемое из внутренних, духовных побуждений и преследующее высокие цели, является отражением огромного духовного сдвига, произошедшего в сознании человека. Линейный путь Сагадат противопоставляется движению Габдуллы по кругу по таким признакам, как целенаправленность – бесцельность, устремленность в будущее – пребывание в настоящем, приобщение к чему-то внеположному и высшему – сосредоточенность на своем «я», восхождение – нисхождение, бесконечность – конечность, открытое пространство, духовное, нравственное и закрытое пространство, физическое, материальное, заполненное предметными реалиями и растворенное в них. В русской литературе пространственно-временные образы, сопричастные героям, также обладают повышенной способностью к синтезу, открывают в частном, временном, конкретном общее – социально-типовое, эпохальное, общенациональное. Таковы, например, хронотопы дороги в романах о «лишних людях», «душного угла», «подполья» в произведениях Ф.М.Достоевского.

Пространственно-временные образы могут служить и средством выражения личностно-субъективных форм сознания и психики. Такова функция хронотопа в финале романа И.С.Тургенева «Дворянское гнездо». Своеобразие переживаемых героями психологических состояний выявляет пространственно-временная организация текста повести Г.Рахима «Идель». Подчинив любовь и стихию чувств духовному началу, сознанию, личность освобождается от власти страстей и самоутверждается. Этот процесс есть восхождение, поэтому главными в повести становятся символы пути ввысь, внутреннего движения к самоопределению и обретению цельности – соединению дольного и горнего, телесного и духовного. Искомой и достигаемой точкой визионерского обзора, поднимающей героя над земным и позволяющей осмыслить временное с точки зрения вечности, оказывается гора. Она вырастает в повести до уровня символической вертикали, противостоящей не только «горизонтальному» бытию героев, но и центральному образу-символу произведения – Волге.

Описываемое место действия является центром мира, где сталкиваются полярные космические стихии, и мыслится местом свершения вселенского события. Здесь, в этой точке, совершается перелом, переход от старого к новому, от относительного к абсолютному, из одного жизненно-идеологического статуса в другой. Результатом пережитого героем катарсиса оказывается преобразование «горизонтального» человека в «вертикального». Он превращается в своеобразного двойника Заратустры, становится воплощением свободного ума,

преодолевшего пределы. Пространственно-временные отношения, запечатленные в тексте, актуализируют универсальную в своей основе ситуацию перехода героя из одного состояния в другое: восхождения и нисхождения, растворения в витально-экзистенциальной сфере чувств и «рождения заново», т. е. просветления, приобщения к возвышенному, аполлоническому, сверхсознательному началу, утраты «я» и самостановления.

С хромотопическими способами психологизма в русской и татарской литературе (2-й половины XIX в. и 1-й трети XX в.) связана напряженная устремленность текста в сторону предельных обобщений и поэтического иносказания. Наполняя сюжетную историю героев универсальным содержанием, пространственно-временные образы обнажают родовые категории человеческого существования, выявляют глубинную метафизику бытия. Будучи источником символических «сверхсмыслов» (Д.Е.Максимов) данная форма психологизма не только соединяет индивидуальное, единичное, социально-типовое и родовое, общечеловеческое, вечное, но и осуществляет связь выразимого и невыразимого, «явного» и «сокрытого», осязаемого, узнаваемого и непознанного, возможного.

Образы пространства и времени в произведениях русских и татарских писателей актуализируют и мифологизирующую тенденцию, также способствующую универсализации изображаемого, углублению его философско-психологического содержания и значения. Эта же тенденция – одна из предпосылок и национально-неповторимого своеобразия сопоставляемых произведений.

В разделе 5.3. *«Художественно-содержательное своеобразие сновидений в произведениях Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, Г.Ибрагимова, Г.Исхаки, Г.Рахима»* мы приходим к выводу о том, что в русской и татарской литературе сны выполняют сходные функции: являются средством самоуглубления и самоанализа, откликом на непосредственные впечатления, способом психологической индивидуализации характеров, имеют сюжетообразующее значение, приобретают символический смысл и др.

Сны в сопоставляемых произведениях Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, Г.Ибрагимова, Г.Исхаки «предвосхищают» последующие события, открывая область таинственного, инобытийного, и являются, таким образом, способом конструирования двоемирия. Но в романах Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского значима психологическая мотивировка пророческого характера снов героев. В произведениях татарских писателей прогностическая функция снов связана с идеей предопределенности судьбы человека, восходящей к религиозному учению – теологическому фатализму. Сны являются не только формой воплощения бессознательного, но и знаками трансцендентного. Оказываясь исходным пунктом для постижения того, что происходит с героями в реальной действительности, они выступают в роли посредников между двумя планами бытия, предельно разводят их и в то же самое время максимально сближают.

Сновидения в произведениях И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского – наглядное свидетельство иррациональной глубины душевной жизни человека, способного к самопознанию, постижению как эмпирического мира,

так и запредельного бытия. В повести Г.Рахима «Идель» сны и сновидения становятся промежуточной субстанцией земного и трансцендентного, пространством перелома и метаморфозы. Приобщение Ильяса к потаенной жизни мироздания осуществляется разными способами. Во-первых, сквозной мотив сновидений и бредовых состояний – погружение вниз, утопание. Оно соотносится с движением героя к своей истинной сущности. Во-вторых, законы мироздания познаются через состояние нирваны – состояние полного освобождения от всех жизненных забот и стремлений, находящее выражение в мерном раскачивании. Колеблущееся, вечно пульсирующее движение, обладая магически суггестивным действием, дает возможность некой экстастики самозабвения, выхода за пределы настоящего и его координат. В-третьих, перерождению героя способствует «горение», мотивированное болезнью. Горение – метафора радикального переосмысления всех привычных категорий и ценностей человеком, посвятившим себя познанию тайн. Мотив креативного перерождения благодаря катарсису пылания стирает различия между духовным и психофизическим аспектами этого состояния. В снах герою открывается философия жизни как противостояния двух начал: созидательного и разрушительного, гармонии и хаоса.

Глубокая характерологическая разработка сновидений дана в произведениях Г.Ибрагимова и Г.Исхаки. В романе «Молодые сердца» первый сон открыл Марьям то, что она не знала о себе, из второго сна она приобретает знание о людях, с которыми тесно связана ее судьба. Обобщающая, интегрирующая повествовательная семантика сна обнажает деструктивно-пугающие глубины ночной души в каждом из героев. Зло, преступление становятся универсальным началом, объединяющим всех участников любовной драмы. Из онейросферы в контекст обрамления переходит мотив неразличения сна и яви, заряжающий все дальнейшее повествование и организующий романное пространство и время по законам сновидческой логики. Рефлексия и тематизация «двоемирия», «междубытия», слившихся воедино сна и реальности используются автором для создания различного рода приглушенных смыслов, мистических и фантастических ситуаций. Человек неотделим от иного, потустороннего мира, оказывающего на него энергетически-метафизическое влияние. В романе Г.Исхаки «Нищенка» сновидения обозначают переломные моменты в судьбе героини, выявляют противоречия ее характера на разных этапах ее жизненного пути. Онейрические элементы своей тематикой и композицией участвуют в формировании тройственного модуса жизни, смерти и сна в романе Г.Исхаки.

Как и в русской литературе XIX в., в произведениях татарских писателей сон представляет собой повествование, обнаруживающее в герое возможность иной жизни и иного человека: он утрачивает свою завершенность и однозначность, перестает совпадать с самим собой. Сон, подчеркивая причастность героев вневременному и внепространственному миру, формирует особую пограничную зону, которая приближает человека к последней черте бытия и предельно обостряет его отношения с собственной жизнью и смертью, с судьбой

и т. д. Будучи приемом сокрытия, перехода от явного к тайному, от феноменального к ноуменальному, сны, видения, галлюцинации в татарской прозе 1-й трети XX в. разрывают ход эпического повествования по горизонтали и придают отношениям между персонажами вертикальную направленность, соединяя два различных мира: мир тленный и преходящий с миром идеальным и вечным.

Универсально-синтетические формы и методы психологического изображения в сопоставляемых произведениях порождены сходной идейно-эстетической установкой. И русские, и татарские писатели стремятся воплотить объективную объемность внутреннего мира человека, выявить стихийно-неустрашимые движения души; показать связь индивидуального сознания с основами национального бытия, природно-космическим целым, движением времени; утверждают приоритет духовно-внутренних потребностей и ценностей человека над материально-внешними, бытовыми и социальными. Основной эффект этого типа диалогических отношений – подчеркивание соотносительности двух целостных национальных художественных систем и интерсубъективная заданность переживаемого смысла.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

В основе межлитературных диалогов лежит «нераздельность и неслиянность» «Я» и «Другого». Между ними устанавливаются эстетические отношения взаимоотражения и взаимоосвещения. Две ценностно-смысловые системы взаимодействуют друг с другом: контрастируют между собой, творчески усваивают «чужой» опыт, выстраивают семантически родственные высказывания о мире и т. п., – образуя различные виды корреляций, которые служат для подчеркивания схожести или маркирования отличий. Диалог литератур актуализирует семиотическую однородность корреспондирующих текстов, усиливает их обобщенно-символический смысл.

В «точке» диалогического контакта текстов, принадлежащих разным национальным литературам, рождается смысл, который требует не формально-логической и содержательной трактовки, актуализирующих его внутреннюю неоднородность, но функционального толкования, раскрывающего его роль в формировании целеустановки, характеризующей сопоставляемые тексты. Она может быть сходной (««свое» как переструктурированное “чужое”», ««свое”, сходное с “чужим”») или различной (««свое”, противопоставленное “чужому”», ««свое”, полемизирующее с “чужим”»).

Понятия «своего» и «чужого» являются не только центральными концептами каждой культуры, категориями текстовой реальности. Они дают возможность выделить промежуточно-общую, связующую сферу, которая возникает между двумя литературами и культурами, «территорию», где происходит их встреча.

Смыслы, которые формируются отношениями между «своим» и «чужим», никак непосредственно не существуют вне этих отношений, не поддаются излишней конкретизации, имплицитны, противятся выведению в слово. Они мо-

гут быть реализованы лишь в «метафизической дали» (М.М.Бахтин) и пространстве диалога, который происходит «как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)»³⁷.

Позицию, которую занимает читатель, можно охарактеризовать как позицию «внеаходимости» и «внежизненно активную» (М.М.Бахтин). Воспринимающее сознание «адресата» конструирует архитектонику возникающих между национальными литературами диалогических отношений:

- выдвигает на первый план структурно-семантические комплексы и эстетические конструкции, в которых манифестируется уникальность и самобытность каждой национальной литературы;

- актуализирует региональную специфику художественных текстов, то, что определяет их включенность в пространство «западной» или «восточной» культур;

- выявляет возможность универсализации воспринятых смыслов, открывает в них метатекстуальные и интертекстуальные интенции;

- осмысливает тексты, принадлежащие разным национальным литературам, с точки зрения их общности, как выражающие некую единую культурно-историческую программу.

Концепция диалога литератур открывает новые перспективы для системного и комплексного изучения межлитературного процесса, его содержания, структуры, форм, тенденций развития, социокультурной детерминированности.

Теоретическая модель диалогических отношений между национальными литературами требует дальнейшей конкретизации и верификации, что предполагает обращение к другим периодам в истории русской и татарской литератур, а также к иным национальным литературам, вступающим в диалог в сознании читателя или писателя. Должен быть разработан понятийно-терминологический аппарат, характеризующий деятельность читателя, который устанавливает семантические связи между произведениями, относящимися к разным национальным литературам. Необходимо определить архитектонику диалогических отношений между национальными литературами с учетом складывающихся в разных культурах типов субъективности; выявить признаки формирующейся в ходе диалога новой субъективности; рассмотреть соотношение двух видов диалога – в «малом» и «большом» времени, опосредованность межлитературных диалогов принципами художественного мышления эпохи, социокультурными, политическими и другими факторами.

³⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 306.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Монография:

1. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.) / В.Р.Аmineва. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.

II. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Рецензия / В.Р.Аmineва // Филологические науки. 2004. № 4. С. 114–119. – Рец. на: Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты: материалы Междунар. науч. конф. «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения) / ред. кол.: П.А.Николаев, М.Л.Ремнева, А.Я.Эсалнек. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 332 с.

3. Пространственно-временная организация текста как форма психологизма: сопоставительный аспект: (на материале повести Г.Рахима «Идель») / В.Р.Аmineва // Учен. зап. Казан. гос. академии ветеринарной медицины им. Н.Э.Баумана. Казань, 2006. Т.187. С. 258–265.

4. Герменевтический дискурс в компаративистских исследованиях / В.Р.Аmineва // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманит. науки. 2007. Т. 149, кн. 2. С. 191–205.

5. Принципы и приемы психологизма в русской литературе XIX в. и в татарской прозе 1-й трети XX в.: сопоставительный анализ / В.Р.Аmineва // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманит. науки. 2008. Т. 150, кн. 6. С. 124–136.

6. Динамика мотивационных структур в романе Г.Ибрагимова «Молодые сердца» / В.Р.Аmineва // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманит. науки. 2008. Т. 150, кн. 8. С. 23–29.

7. Варианты диалогических отношений между национальными литературами: («“свое”, противопоставленное “чужому”») / В.Р.Аmineва // Вестник Челябин. гос. пед. ун-та. 2009. № 3. С. 175–182.

8. Особенности организации субъектной сферы в произведениях русских и татарских писателей / В.Р.Аmineва // Вестник Чуваш. ун-та. Гуманит. науки. 2009. № 4. С. 283–288.

9. Типы диалогических отношений между национальными литературами как предмет компаративистики / В.Р.Аmineва // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 88–92.

10. «“Свое” как переструктурированное “чужое”»: (к вопросу о типах диалогических отношений между татарской прозой 1-ой трети XX в. и русской классикой XIX в.) / В.Р.Аmineва // Известия Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 3, ч. 3. С. 751–755.

11. «“Свое”, полемизирующее с “чужим”»: (к типологии субъектных ситуаций в произведениях русских и татарских писателей) / В.Р.Аmineва // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманит. науки. 2010. Т. 152, кн. 2. С.143–154.

12. Межлитературный диалог как понятие компаративистики / В.Р.Аmineва // Вестник Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-та. 2010. № 1. С. 118–124.

III. Статьи в зарубежных изданиях:

13. Функция детали в прозе А.П.Чехова и Ф.Амирхана: сопоставительный аспект / В.Р.Аmineва // *Studia Rossica Posnaniensia*. Poznan, 2005. Zeszyt 32. S. 51–61.

14. Традиции русской литературы XIX в. в татарской прозе первой трети XX столетия / В.Р.Аmineва // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей рус. яз. и лит. Варна, 17–23 сент. 2007 г. София, 2007. Т. 7. С. 20–27.

15. «Основания рациональности» в сопоставительном изучении русской и татарской литератур / В.Р.Аmineва // Язык и культура. Киев, 2007. Вып. 9, т. 9. С. 325–332.

16. Л.Н.Толстой и Г.Исхаки: типы диалогических отношений / В.Р.Аmineва // Теоретические и методологические проблемы современного литературоведения и фольклористики: II Междунар. науч.-теорет. конф. Алматы, 2007. С. 122–128.

IV. Статьи в различных изданиях:

17. Мир и человек в романах русских и татарских писателей: (к вопросу о методике сравнительного изучения литературных жанров) / В.Р.Аmineва // Проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: XXI век. Саратов, 2000. С. 356–360.

18. Хронотоп как параметр сопоставления романа в русской и татарской литературах классического периода / В.Р.Аmineва // Закономерности развития и функционирования национальных языков и литератур. Казань, 2001. С. 130–133.

19. К вопросу о характере реализма в татарской литературе начала XX в. / В.Р.Аmineва // Русская и сопоставительная филология: Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: материалы итоговой науч. конф. Казань, 2002. С. 64–65.

20. Интериоструктуры лирического выражения как сфера проявления национальной специфики художественного текста / В.Р.Аmineва // Молодой Л.Н.Толстой. Казань, 2002. С. 192–194.

21. Жанровые универсалии как категории сопоставительного литературоведения / В.Р.Аmineва // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи. Соликамск, 2002. Т. 1. С. 4–11.

22. Поэтика пейзажа в прозе татарских писателей первой трети XX в. / В.Р.Аmineва // Природа: материальное и духовное: тез. и докл. Всерос. науч. конф. «Пушкинские чтения-2002». СПб., 2002. С. 110–112.

23. О национальной характерности в литературных параллелях / В.Р.Аmineва // Поэтическое перешагивание границ. Казань, 2002. С. 115–123.

24. Аллюзия как форма межлитературной рецепции / В.Р.Аmineва // Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань, 2002. С. 340–343.
25. Типология контактов как способ систематизации межлитературного процесса / В.Р.Аmineва // Русская и сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект. Казань, 2003. С. 204–209.
26. О категориях сопоставительного литературоведения // Сопоставительная филология и полилингвизм / В.Р.Аmineва. Казань, 2003. С. 191–204.
27. Универсалии словесно-художественного искусства как категории сопоставительного литературоведения / В.Р.Аmineва // Литература: миф и реальность. Казань, 2004. С. 164–167.
28. Сны и сновидения в романах Ф.М.Достоевского «Идиот» и Г.Исхаки «Нищенка»: (опыт сопоставительного анализа) / В.Р.Аmineва // XVI Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. М., 2004. С. 10–11.
29. Принципы систематизации межлитературного процесса / В.Р.Аmineва // Русская литература в межнациональных связях и взаимодействиях. Казань, 2004. С.6–32; [То же]. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2006. С. 7–39.
30. Национальное своеобразие романа в русской и татарской литературах классического периода / В.Р.Аmineва // Русская литература в межнациональных связях и взаимодействиях. Казань, 2004. [То же]. С. 49–58; 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2006. С. 63–74.
31. Природа символических образов в татарской прозе начала XX в. / В.Р.Аmineва // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 300–306.
32. Сопоставление контекстов как прием компаративистского исследования / В.Р.Аmineва // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та. Казань, 2004. С. 304–305.
33. Пейзаж в прозе русских и татарских писателей: (Опыт сопоставления рассказов И.Бунина и Ш.Камала) / В.Р.Аmineва // Магариф. 2005. № 4. С. 27–30.
34. Смыслообразующая роль внетекстовых структур: сопоставительный аспект / В.Р.Аmineва // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2005. С. 17–20.
35. Функции цитаты в прозе русских и татарских писателей: поэтика межлитературных взаимодействий / В.Р.Аmineва // Диалог культур: русско-татарские связи: материалы науч.-практ. семинара Всерос. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VI Кирилло-Мефодиевских чтений. М.; Ярославль, 2005. С. 64–72.
36. Формы межлитературного процесса и их осмысление в современном литературоведении / В.Р.Аmineва // III Международные чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань, 2006. Т. 1. С. 222–224.
37. Традиции русской психологической прозы в творчестве татарских писателей начала XX в. / В.Р.Аmineва // Классические и неклассические модели

мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Междунар. науч. конф. Волгоград, 2006. С. 128–133.

38. Черты общности и своеобразия в эпических текстах русских и татарских писателей XIX – XX вв. / В.Р.Аmineва // Эпический текст: проблемы изучения: материалы I междунар. науч. конф. Пятигорск, 2006. Ч. 1. С. 39–46.

39. Типы эпической речи / В.Р.Аmineва // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманит. науки. 2006. Т. 148, кн. 3. С. 205–213.

40. Понятие концепта в методике компаративистских исследований: Опыт сопоставительного анализа прозы И.А.Бунина и Ш.Камала / В.Р.Аmineва // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы II Междунар. науч. конф. М., 2006. С. 406–409.

41. Суфийский код поэтики повести Г.Рахима «Идель»: к постановке проблемы / В.Р.Аmineва // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 21 нояб. 2006 г.). Н.Новгород, 2007. С. 142–158.

42. Жанрово-психологическая трактовка человека в произведениях Г.Исхаки: сопоставительный аспект / В.Р.Аmineва // Литература в контексте современности: материалы III Междунар. науч.-метод. конф. Челябинск, 2007. С. 89–92.

43. Ф.М.Достоевский и Г.Рахим: типы диалогических отношений / В.Р.Аmineва // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы II Междунар. науч. конф. Волгоград, 2007. Т. 2. С. 148–153.

44. Л.Н.Толстой и Ф.Амирхан: типы диалогических отношений / В.Р.Аmineва // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез: сб. науч. ст. Всерос. заочной конф. Белгород, 2007. С. 217–221.

45. «“Свое”, противопоставленное “чужому”»: к вопросу о типах диалогических отношений татарской прозы 1-й трети XX в. и русской литературы XIX в. / В.Р.Аmineва // Русская и сопоставительная филология '2007. Казань, 2007. С.195–201.

46. Синтетические методы психологического изображения в русской литературе XIX в. и в татарской прозе XX в.: сопоставительный анализ / В.Р.Аmineва // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. Тамбов, 2008. № 2, ч. 2. С.10–12.

47. Пророческая функция снов в романах Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и Г.Ибрагимова «Молодые сердца» / В.Р.Аmineва // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию МПГУ. М.; Ярославль, 2008. Вып. 2. С. 24–28.

48. Мотивационные структуры в произведениях русских писателей XIX в. и татарских писателей 1-й трети XX в.: сопоставительный аспект / В.Р.Аmineва // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья. Елабуга, 2008. Ч. 2. С. 24–30.

49. Проблема характера в рассказах Ф.Амирхана «Праздники» и «Блаженный день» / В.Р.Аmineва // Ученые записки-2007 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2008. С. 13–18.
50. Концепция драматического в произведениях русских и татарских писателей / В.Р.Аmineва // Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и в школе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Елабуга, 2008. С. 11–14.
51. «“Свое”, сходное с “чужим”»: к вопросу о типах диалогических отношений между прозаическими произведениями русских и татарских писателей 1-й трети XX в. / В.Р.Аmineва // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы III Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 420–423.
52. Своеобразие мотивационных структур в рассказе Ф.Амирхана «Среди развалин» / В.Р.Аmineва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2008. № 2. С. 7–8.
53. Психологический параллелизм в прозе Г.Исхаки: к проблеме инвариантных ситуаций в татарской литературе начала XX в. / В.Р.Аmineва // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: материалы VII Междунар. симпозиума «Языковые контакты Поволжья» Казань, 2009. С. 311–314.
54. Типы диалогических отношений как формы межлитературного процесса / В.Р.Аmineва // Homo scribens. Литературная критика в России: поэтика и политика: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. Казань, 2009. С. 197–204.
55. «“Свое”, противопоставленное “чужому”» как тип диалогических отношений между национальными литературами / В.Р.Аmineва // Классика и современность: проблемы изучения и обучения: материалы XIV науч.-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 2009. С. 349–355.
56. Мифопоэтические аспекты пространственно-временной организации текста: (на материале татарской прозы 1-й трети XX в.) / В.Р.Аmineва // Национальный миф в литературе и культуре: материалы Всерос. науч. конф. Казань, 2009. С. 138–143.
57. Субъектная ситуация в русской прозе 2-й половины XIX в. и татарской прозе 1-й трети XX в. / В.Р.Аmineва // Русская и сопоставительная филология '2009. Казань, 2009. С. 154–159.
58. Ф.М.Достоевский и Г.Ибрагимов: типы диалогических отношений / В.Р.Аmineва // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.; Ярославль, 2010. Вып. 4. С. 41–44.
59. «“Свое” как переструктурированное “чужое”»: код «лишнего человека» в прозе Г.Ибрагимова / В.Р.Аmineва // Кормановские чтения: ст. и материалы Межвуз. науч. конф. Ижевск, 2010. Вып. 9. С. 155–159.
60. Приемы создания сферы персонажа-субъекта в произведениях русских и татарских писателей // Научный Татарстан. Гуманит. науки: История, филология. 2010. № 2. С. 224–236.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ

Подписано в печать 23.08.2010. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 150 экз. Усл. печ. л. 3,25
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-18-09